

Аккорд на двоих

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

КЭТИ М. ДИ

18+

Кэти Ди

Аккорд на двоих

<https://litres.ru/73777121>

SelfPub; 2026

Аннотация

Миа Роудс — идеальный фасад музыкальной империи своего отца. Её жизнь выверена, как метроном: элитный колледж Нью-Йорка и будущее, где за неё уже расставлены все акценты. Но когда гаснет свет в репетиционном зале, «золотая девочка» исчезает. Она сбегает туда, где лед обжигает лезвия коньков, а в наушниках звучит её главная тайна — треки, которые она пишет под псевдонимом. Она — «призрачный голос» чартов, о котором не знает даже собственная семья.

Итан Браун — приехал в город больших надежд с одним лишь чемоданом и обещанием, данным отцу: его музыка должна звучать. Для провинциала с грантом в кармане Миа — лишь заносчивая принцесса, которой всё досталось на блюдечке. Для неё он — дерзкий выскочка, нарушающий её хрупкий покой и ставящий под угрозу её секреты.

Их встреча — это столкновение двух стихий. Искры между ними могут либо сжечь обоих, либо создать идеальный резонанс. Но что произойдет, когда Итан поймет: девушка, которую он презирает — и есть та в чью музыку он влюблен до боли?

Содержание

Жанр	4
###> ♪♪♪ Плей-лист ♪♪♪ <###	5
☺ Пролог ☺	8
Глава 1	11
Итан	11
Глава 2	31
Миа	31
Глава 3	55
Итан	55
Глава 4	68
Миа	68
Глава 5	81
Итан	81
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Кэти Ди

Аккорд на двоих

Жанр

Троп «от ненависти до любви»;

Двойная жизнь и тайные увлечения;

Музыка, которая лечит, и правда,
которая меняет жизнь.

Богатая девушка и простой парень

♪♪♪♪ Плей-лист ♪♪♪♪

🎵 Obsidian Swing — Breathing My Last

🎵 DEFEATED - MAXPVNK, DJ RITMO DIVINO

🎵 We Found Love - ASKAIØ, Hoop Records, ABBY M.

🎵 Say It Right - Sunlike Brothers, Micano

🎵 You Feel Like Home - DarkLux

🎵 Losing Control - DEADLUVE

🎵 Burn Me Beautiful - Shadow Beloved

🎵 Breathing My Last - Obsidian Swing

🎵 Far Away - Nickelback

♪ Someone You Loved - Lewis Capaldi

♪ Just a dream - Metal - What if music

Пролог

Метроном на стене репетитория работал с беспощадной точностью гильотины.

Тик. Так. Тик. Так.

Для Мии этот сухой, стерильный звук был не ритмом, а обратным отсчетом до конца ее личной свободы. Он вытраивал из музыки жизнь, оставляя лишь математически выверенную пустоту.

— Еще раз с сорок восьмого такта, Миа. И, ради всего святого, убери это выражение лица. Ты не на похоронах, — голос отца, усиленный динамиками студии, прозвучал так, будто он оценивал не игру дочери, а ликвидность нового актива в своем инвестиционном портфеле.

Миа кивнула, не поднимая головы. В холодном свете софитов белые клавиши рояля казались ей решетками клетки, в которую ее заперли еще в детстве. Пальцы послушно легли на слоновую кость, но мысли были далеко.

Там, в глубине ее сумки, под тяжелым томом Баха, прятались потертые чехлы для коньков — ее пропуск в другой мир. Рядом лежал плеер с демо-записью, законченной в три часа ночи под одеялом, пока охрана обходила периметр дома. Тот трек уже купил агент из топ-чартов, и завтра ее голос взорвет стриминги под чужим именем. Мир знает новую звезду, но Миа Роудс так и осталась для всех лишь «золотой девочкой» великого Джереми Роудса. Красивым дополнением к дороговому инструменту.

Она закрыла глаза, и вместо душного зала перед ней возник лед Центрального парка в пять утра — звонкий, нетронутый, пахнувший абсолютным холодом. В ушах зазвучал не рояль, а рваный, тяжелый бас, под который ее тело само уходило в рывок. Там, в вихре прыжка и в анонимности ночных записей, она была живой.

В это же самое мгновение, за сотни миль от сверкающего сталью Манхэттена, Итан захлопнул дверь старого трейлера. Звук получился металлическим и окончательным, как выстрел. В его кармане лежал измятый авиабилет до Нью-Йорка — единственный шанс не утонуть в парах дешевого виски и несбывшихся надежд, которые сгубили его отца.

Итан поправил лямку кофра и посмотрел на предрассветное небо. В его глазах горел огонь, который Нью-Йорк либо раздует до небес, либо выжжет дотла.

Он ехал туда, чтобы заставить мир услышать свое имя. Она — чтобы под чужим именем наконец-то обрести себя.

Глава 1

Итан

Я стоял на вокзале, и холодный ветер Лутона пробирал до костей, но я его не чувствовал. Все мои чувства сосредоточились в ладони, сжимавшей билет в один конец: «*Лутон – Нью-Йорк*». Бумага хрустела, впиваясь краями в кожу, а пальцы побелели так, будто я держался за край обрыва. В каком-то смысле так оно и было.

За спиной привычно тянул плечо старый кофр. В нём покоилась отцовская гитара – единственная вещь, которую я когтями вырвал у судебных приставов, когда они описывали наш дом за долги матери. Это было моё единственное наследство, мой щит и мой пропуск в мир, который меня всегда презирал.

Мой предыдущий колледж, кажется, просто хотел избавиться от проблемного студента с «чертовски талантливыми, но слишком грязными руками», и выпихнул меня по про-

грамме обмена в высшую лигу. Теперь передо мной маячил Манхэттенский музыкальный колледж. Место, где учатся дети богов индустрии, где полы натерты до блеска амбициями, а воздух пахнет шампанским и фальшью.

Чистый лист? Я горько усмехнулся про себя, не отрывая взгляда от мигающего табло. Скорее, этот лист уже был безнадежно залит дешевым кофе, прожжен сигаретным пеплом и исчеркан старыми шрамами, которые не спрятать под длинным рукавом.

Но Нью-Йорк... Нью-Йорк был огромной бетонной мясорубкой, которой плевать на твои родословные. Там я не буду «тем самым парнем» — сыном великого, но спившегося гитариста, чье имя теперь красовалось только на надгробии и в пыльных архивах рок-журналов. Там я не был обузой для матери, которая променяла реальность на дозу в вене и мутный взгляд в никуда. В этом городе я был никем. А значит, мог стать кем угодно.

Я сделал шаг в вагон, чувствуя каждое движение состава. Двери с тяжелым шипением отрезали меня от прошлого, оставляя на перроне Лутона призраков моей прежней жизни.

Вернусь ли я? Да. Однажды. Но только тогда, когда музыка моего старика взорвет чарты и зазвучит из каждого окна. Я выгрызу это право, отец. Чего бы мне это ни стоило. Обещаю.

Нью-Йорк не собирался расстилать передо мной красную дорожку или слепить огнями Бродвея. Вместо этого он ударил в лицо обжигающим северным ветром и приторным, тягелым запахом сырого асфальта, перемешанного с выхлопами такси. Когда я вышел из душного здания вокзала, реальность обрушилась на меня бетонной лавиной.

Я задрал голову, и небоскребы показались мне клыками гигантского зверя, готового сомкнуться в любой момент. В этом безумном ритме мегаполиса я мгновенно почувствовал себя даже не человеком, а микроскопической, лишней деталью в огромном, бездушном механизме, который не терпит сбоев. Толпа здесь не ходит – она течет, как сошедший с ума поток, и этот поток подхватил меня, толкая вперед, вглубь каменных джунглей. Здесь никому не было дела до моего имени, до моей гитары за спиной или до того, сколько боли я привез с собой в потертом рюкзаке. Для этого города я был просто очередным атомом, пылью на ботинке, и в этом равнодушии была своя пугающая свобода.

Престижный музыкальный колледж Манхэттена встретил меня именно так, как я и ожидал: ледяным, рафинированным высокомерием. Стоило мне переступить порог, как в глаза ударил блеск полированного мрамора – холл сиял так вызывающе ярко, что мои поношенные, издававшие виды кеды казались на этом полу грязным, уродливым пятном, нарушающим гармонию.

Вокруг меня роились студенты, укутанные в кашемировые пальто стоимостью в мой годовой бюджет на еду. Они лениво потягивали латте и вполголоса обсуждали нюансы звучания своих скрипок, каждая из которых стоила как новенький "Мерседес". Стоило мне пройти мимо, как их разговоры на мгновение затихали. Они косились на мой потертый, исцарапанный чехол с гитарой с таким выражением лиц, будто я притащил в их чистый храм искусства какой-то заразный вирус нищеты. В их глазах я читал не просто высокомерие, а искреннее недоумение: как *это* вообще могло здесь оказаться? Я крепче сжал ручку кофра, чувствуя, как внутри закипает привычная глухая злость. Они еще не знали, что этот "вирус" пришел сюда, чтобы выжечь их уютный мирок до основания.

Я только начал пропитываться этим давящим шумом коридоров, когда местная реальность дала трещину. Дверь одного из репетиториев вылетела с таким грохотом, будто внутри взорвали фуз-педаль. Ограничитель жалобно звякнул о стену, и из комнаты, словно из клетки с голодным зверем, вылетела девчонка.

Она напоминала перетянутую струну «ми» — ту самую, которую докрутили на пару тонов выше предела. Еще четверть оборота, и она лопнет, с хлестом ударив по глазам любого, кто окажется слишком близко.

Идеально ровная спина, колючий, вымороженный взгляд, направленный куда-то сквозь пафосный блеск мраморных

стен. На ней не было вычурных платьев — обычные темные джинсы и свободная кофта, но в лаконичном крое и дорогой ткани безошибочно угадывался ценник с лишним нулем. Она вцепилась в папку с нотами, прижимая её к груди с такой силой, будто это был единственный бронежилет, способный спасти её в этой зоне боевых действий под названием «ЖИЗНЬ».

Светлые волосы были в спешке скручены в пучок, но пара прядей выбилась, лихорадочно дрожа у лица. Она не просто шла — она неслась, пытаясь сбежать от чего-то, что осталось за той дверью. В этом храме фальши она была первой живой нотой, которую я слышал, пусть эта нота и была полна чистой, неразбавленной паники.

Мы вписались друг в друга на полном ходу. Удар вышел жестким — мой кофр, набитый деревом и железом, глухо впечатался ей в бедро. Папка в её руках не выдержала, и листы веером брызнули по зеркальному мрамору, как битое стекло.

— Смотри, куда прешь, — выплюнула она, даже не потрудившись поднять на меня взгляд.

Её голос полоснул по ушам, как хруст тонкого льда под ботинком. Идеально чистый, породистый, но с таким краем, о который можно порезаться до кости. Я на секунду замер, опешив от этой ледяной наглости.

— Извини, — буркнул я, хотя извиняться тут должен был точно не я. — Хотя это ты вылетела из конуры как бешеная, будто за тобой черти по пятам гнались.

Я потянулся к полу, чтобы собрать её макулатуру, но она среагировала как кобра. С коротким шипением она буквально вырвала листы из-под моих пальцев, сминая края плотной бумаги своими тонкими, побелевшими от напряжения пальцами. Она одарила меня таким взглядом, будто я был плевком на её безупречном паркете, и, намеренно задев меня плечом еще раз, рванула прочь.

Я стоял и смотрел ей в спину, чувствуя, как плечо до сих пор горит от этого толчка. В этой «принцессе» весом от силы сорок пять килограммов было столько ярости, что хватило бы зарядить стадионный рок-концерт.

– Не за что, Ваше Величество! – крикнул я в пустоту коридора.

Но она даже не сбилась с шага. Её каблуки вбивали ритм в мрамор – четко, резко, как гребаный метроном, заведенный на максимум. Эхо её шагов еще долго звенело под высокими сводами, напоминая о том, что в этом месте кусаются даже ангелы.

Когда я добрался до стойки регистрации, в башке гудело так, что реальность едва пробивалась сквозь этот шум. Я выудил из кармана свой паспорт – потрепанный, с загнутыми углами – и бросил его на эту вызывающе идеальную, отполированную столешницу. На фоне дорогого дерева мой документ, пропахший дешевыми барами и бессонными ночами, смотрелся как главная улика с места преступления.

Девчонка за стойкой прищурилась через линзы своих оч-

ков, которые превращали её глаза в два огромных аквариума. Её взгляд метался между моим фото и моей физиономией в режиме реального времени.

– Итан Браун? Перевод из Лутона? – в её голосе прорезался сухой британский акцент. На секунду меня обдало знакомым холодом дома, но я тут же стряхнул это наваждение.

Она застучала по клавишам, вбивая мою биографию в их базу, и наконец протянула мне кусок пластика – магнитный ключ.

– Главный корпус, налево – мужское общежитие. Направо – женское, постарайтесь не перепутать их в первый же вечер, – она позволила себе короткую, почти человеческую усмешку. – Нужна помощь с вещами? Позвать ребят?

– Нет. Я сам, – отрезал я, перехватывая лямку сумки.

Она окинула взглядом мою единственную спортивную сумку, в которую я умудрился впихнуть всю свою прошлую жизнь, и улыбнулась – на этот раз как-то жалостливо, по-доброму.

– Ничего, мистер Браун. В Нью-Йорке полно магазинов, со временем обростете скарбом. Ваша комната – четыреста пятая. Добро пожаловать.

Я коротко кивнул, чувствуя, как внутри закипает смесь из раздражения и дурацкой благодарности. Она ни черта не понимала. Мне не нужны были горы брендового шмотья или чемоданы на колесиках. В моей сумке и так было слишком много веса – невидимого, тянущего к самой земле. Все, че-

го я хотел — это чтобы музыка в моей голове перестала быть просто шумом и обрела плоть. Чтобы она стала делом всей жизни, а не просто призраком, за которым когда-то до хрипоты гнался отец, терзая струны на нашей прокуренной кухне. Эта мечта жгла меня изнутри, как семейное проклятие, и я знал: либо я сделаю это, либо сгорю так же красиво и бесполезно, как он.

Я толкнул дверь и вышел на крыльцо. В лицо тут же ударил плотный, пропитанный дождем и гарью Нью-Йоркский смог. Воздух был чужим, агрессивным и резким, но в нем, в отличие от коридоров колледжа, чувствовался настоящий пульс жизни.

И тут мой взгляд снова зацепился за знакомый силуэт. Та самая «ледяная принцесса» из коридоров колледжа быстро пересекала внутренний двор, почти втягивая голову в плечи под колючими каплями дождя.

Её огромная спортивная сумка выглядела чужеродно, вся, кажется, не меньше моего гитарного кофра. Ремень с силой впивался в хрупкое, почти детское плечо, заставляя её сутулиться и ломая ту самую идеальную осанку, которую она так старательно несла на публике. В этот момент, сражаясь с тяжестью и непогодой, она показалась мне... настоящей. Обычной девчонкой, у которой тоже могут болеть мышцы и промокать ноги.

Но стоило ей миновать кованые ворота, как декорации сменились с приземленной драмы на голливудский блокба-

стер. У тротуара, хищно поблескивая лакированными боками, её уже поджидал матово-черный «Мерседес» последней модели. Из машины выскочил парень — идеальный, с выбеленными волосами, стянутыми в тугий безупречный узел. Он просиял рекламной улыбкой, мазнул поцелуем по её щеке и услужливо распахнул дверцу.

Принцесса даже не улыбнулась в ответ. Она что-то резко бросила ему, нахмурившись, но в итоге скользнула внутрь. Тяжелая дверь захлопнулась с глухим, дорогим звуком, и глухая тонировка мгновенно отсекла её от этого мира, от дождя и от моего взгляда.

Я поправил кофр со старой гитарой, чувствуя, как потерянный ремень привычно вгрызается в плечо. Старая кожа жалобно скрипнула, но для меня этот звук был роднее любого рокота мотора. Развернувшись спиной к уезжающему «Мерседесу», я направился в противоположную сторону — туда, где возвышалось здание студенческого общежития.

Ближайшие три года этот бетонный улей станет моим штабом, моей крепостью и моей студией. Здесь не будет кожаных салонов и личных водителей. Здесь будут тонкие стены, дешевый кофе и бесконечные часы репетиций до кровавых мозолей. Но в этом и была суть. В отличие от её лакированной жизни, где каждый шаг уже оплачен отцовским чеком, мне предстояло выгрызть свой путь наверх своими силами. С этой гитарой за спиной и злостью в груди я построю свою империю. Один аккорд за другим.

Коридор четвертого этажа больше напоминал холл пятизвездочного отеля, чем общагу для студентов. Ковровая дорожка сжирала звуки моих шагов, а воздух был пропитан запахом дорогого одеколона и свежего дерева – так пахнут деньги и предсказуемое будущее. Я шел, гипнотизируя позолоченные цифры на тяжелых дверях, пока не замер перед 405-й. Магнитный замок отозвался коротким, статусным писком, и я толкнул дверь.

Внутри царил полумрак, густой и тягучий. Плотные шторы «блэкаут» наглухо отсекали суету Нью-Йорка, а по периметру потолка змеилась неоновая лента, заливая пространство глубоким фиолетовым светом. Это было не просто жилье – это было логово. Две широкие кровати с кожаными изголовьями, столы из темного матового металла и виниловый проигрыватель в углу, который тихо похрустывал иглой в тишине. Комната напоминала студию не иначе.

У окна стоял парень. Черные, как смоль, волосы взъерошены, на атлетичную спину он как раз натягивал явно брендовую футболку. Заметив движение, он на мгновение замер, превратившись в напряженную тень в неоновом мареве.

– Привет, – негромко бросил я, проходя внутрь. Моя сумка с глухим, тяжелым звуком рухнула на свободную кровать, бесцеремонно нарушив эту пафосную тишину. – Я Итан.

Парень тут же расслабился, закинул на плечо кожаный рюкзак и обернулся. Взгляд был цепким, но без той ледяной корки, которую я встретил в коридоре.

– Здорова. Я Ноа, – он шагнул навстречу и крепко впечатал свою ладонь в мою. Рукопожатие было сухим и уверенным. – Мой новый сосед, я так понимаю? Круто. Давно пора было разбавить этот тухляк свежей кровью.

Он мазнул взглядом по моему гитарному кофру, и в его глазах промелькнуло что-то похожее на уважение.

– Ладно, располагайся, чувствуй себя как в пентхаусе. А мне пора – дела, сам понимаешь, Нью-Йорк не ждет.

Он подмигнул и исчез за дверью, оставив после себя шлейф сандала и отчетливое ощущение, что скучно мне здесь точно не будет.

Комната полностью оправдывала статус элитного корпуса: никакой студенческой разлухи, только хром, мрамор и матовое стекло личного санузла. В Лутоне о таком комфорте можно было только в бреду мечтать. Я открыл встроенный шкаф из темного дерева – глубокий, предназначенный для дорогих костюмов, а не для моих растянутых худи.

Я принялся за дело. Разложил свои немногочисленные вещи по полкам – они заняли едва ли треть пространства, сиротливо сгрудившись в углу огромного шкафа. На массивный стол я водрузил свой допотопный ноутбук. Его исцарапанный корпус смотрелся здесь как ржавая деталь от трактора на выставке хай-тека. Следом в ящик отправились пара

обшарпанных тетрадей с черновиками и пачка нотных листов – мой единственный реальный капитал. Здесь всё было чужим, слишком правильным и дорогим, но именно на этом фоне мои записи казались мне еще более важными.

Схватив полотенце, я рванул в душ. После бесконечных часов в поезде, пропитанных вокзальным пережаренным кофе и запахом чужих ожиданий, смыть с себя дорожную пыль казалось почти религиозным обрядом. Горячая вода лупила по плечам тугими струями, выбивая остатки напряжения перед чертовой неизвестностью, которая ждала меня завтра.

Через десять минут я вывалился в комнату, чувствуя, как в теле наконец-то проснулась жизнь. Натянул свои застиранные серые спортивные и простую черную футболку – мою привычную рабочую «броню», в которой не страшно ни в бой, ни в студию.

В фиолетовом неоновом мареве, которое Ноа оставил гореть, я выглядел как темное пятно на фоне этого вылизанного интерьера. Тень, пробравшаяся в замок к аристократам. Я посмотрел на свое отражение в зеркале шкафа: мокрые, чёрные волосы, колючий голубой взгляд и полное отсутствие пафоса. Здесь всё было слишком дорогим, слишком правильным, но вода смыла только пыль, а не мою злость. Я был готов.

Я сел на край кровати, которая была мягче, чем все мои предыдущие вместе взятые, и потянулся к гитарному кофру. Тишина комнаты начала давить, и мне до смерти захотелось

нарушить её чем-то настоящим.

Не прошло и двадцати минут, как в мой новый мир бесцеремонно вломились. Стук в дверь начался робко, но быстро перерос в настойчивую дробь человека, чья единственная миссия на земле – не давать другим покоя.

Я рывком распахнул дверь, готовый рывкнуть что-то не слишком вежливое. На пороге замер парень – типичный отличник: очки в тонкой оправе вечно сползали на кончик носа, а пальцы судорожно вцепились в пухлый кожаный блокнот, будто в нем были записаны коды от ядерных ракет.

– Итан Браун, верно? – он заглянул мне за плечо с видом таможенного инспектора, вынюхивающего контрабанду.

Я коротко кивнул, не спеша впускать его в свой фиолетовый неон.

– Привет, я Майк. Староста этого крыла и по совместительству «глаза и уши» администрации, – он выдавил дежурную улыбку. – Мне доложили о заезде новенького. Моя святая обязанность – провести инструктаж и объяснить наши... специфические правила.

Он всучил мне плотный лист бумаги, испещренный колонками цифр и названий. Я пробежал глазами по тексту, и мои брови сами собой поползли к линии роста волос.

– Ты серьезно? – я встряхнул этим списком перед его носом. – Тут всё расписано по минутам, вплоть до перерыва на ланч и «часа тишины». А жить-то когда? В этом уставе вообще предусмотрено время, когда я могу просто дышать,

не глядя на часы?

Майк усмехнулся и привычным жестом поправил очки.

– Конечно, можно. По субботам и воскресеньям, если, конечно, не назначают дополнительные репетиции. Поверь, через месяц втянешься и начнешь лавировать. Но сейчас советую вызубрить это немедленно, иначе через неделю на кампусе ты будешь выглядеть как потерявшийся турист из глубинки.

Он кивнул в сторону коридора, не терпящим возражений жестом приглашая следовать за ним.

– Идем, покажу территорию и местную столовую. Уверен, после дороги ты мечтаешь о нормальной еде, а не о тех картонных сэндвичах, которыми торгуют на вокзалах.

Я молча кивнул, сорвал с вешалки старую кепку и привычным жестом нацепил её козырьком назад. Это было похоже на начало долгого и нудного срока, но жрать хотелось сильнее, чем спорить. Я поплелся вслед за ним, чувствуя, как этот город и этот колледж начинают медленно затягивать на мне удавку своего безупречного расписания.

##

Эта экскурсия быстро превратилась в настоящую пытку на выносливость. Майк водил меня по бесконечным лабиринтам коридоров с таким энтузиазмом, будто показывал Версаль, а не общагу. Он методично вбивал в мою голову то-

пографию здания, останавливаясь буквально у каждой чертовой двери. Его лекция была бесконечной: кто здесь живет, к кому бежать, если кран решит пустить фонтан, и кому молиться, если самого Майка не окажется на посту.

Мозг уже начал плавиться от избытка ненужной информации, когда мы наконец добрались до столовой. Хотя "столовая" – это было слишком скромное слово. Место больше смахивало на элитный ресторан, где по какому-то недоразумению ввели самообслуживание. Никаких липких подносов и запаха переваренной капусты – только хром, стекло и аромат нормальной еды.

Мы осели за угловым столиком, подальше от основного гула. Перед нами дымились порции картошки с курицей, салат и крепкий кофе – первый человеческий напиток за последние сутки. Майк с торжественным видом расстелил на столе мое новое расписание. Глядя на эти плотные колонки текста, я понял: это не график учебы, это чертов план захвата мира, где для сна и личной жизни места просто не предусмотрели.

– Ешь быстрее, Итан, – Майк ткнул пальцем в одну из строк. – Через неделю в восемь утра у тебя вводная лекция, и поверь, опаздывать туда – это все равно что подписать себе смертный приговор в первый же день. Ты должен успеть всё подготовить и выучить расписание.

Между глотками обжигающего кофе я вкратце вывалил ему, какого черта я вообще пересек океан и на что расчи-

тываю. Майк слушал с таким видом, будто заносил мои показания в протокол, то и дело черкая что-то в своем бесконечном блокноте.

– Значит, кроме гитары, больше ни к чему не прикасаешься? – спросил он, не отрываясь от записей.

– Нет, – буркнул я, методично уничтожая курицу. – Шести струн мне вполне хватает, чтобы высказать всё, что я думаю об этом мире.

Майк на секунду замер. Он медленно перелистнул страницу и уставился на меня поверх очков – взгляд у него стал неожиданно острым, как у хирурга.

– Знаешь, Итан, я ведь просматривал твоё личное дело из Лутона... И вот что скажу: за всей этой «взрывной» характеристикой и ворохом дисциплинарных взысканий скрывается кое-что поинтереснее. Твои баллы по теории и практике – почти чистый идеал.

Он захлопнул блокнот с коротким, сухим стуком и подался вперед, понизив голос.

– В этих стенах талантов – как грязи, но мало кто умеет пахать так, как, судя по бумагам, умеешь ты. Совет на миллион: не дай своему характеру спустить всё в унитаз в первую же неделю. Здесь не жалуют выскочек, но чертовски уважают тех, кто знает цену звуку.

Я допил кофе, чувствуя, как внутри разливается странное тепло. Похоже, Майк был первым в этом гребаном городе, кто увидел во мне не «проблемного сына гитариста-алкаша»,

а просто музыканта.

– Постараюсь не спалить эту лавочку хотя бы до пятницы,
– ответил я с кривой усмешкой, поправляя кепку.

Майк с заговорщицким видом залез в недра своего рюкзака и выудил еще один блокнот, из которого веером посыпались глянцевые брошюры. Он начал раскладывать их передо мной, как гадалка – крапленые карты.

– И еще кое-что, Итан. Вот список кружков и секций. Выбирай любую дичь, какая понравится, но записаться обязан хотя бы в один. Это железное правило: колледж не переваривает одиночек. Им нужна «социальная активность», понимаешь? Ты должен быть частью стаи. Ну и плюс стипендия. А тебе она явно нужна.

Я смотрел на эти пестрые бумажки и понимал, что «часть стаи» из меня – как из гитары барабан. Но правила есть правила, по крайней мере, пока я не осмотрелся.

Я лениво мазнул взглядом по этим глянцевым бумажкам: «Клуб любителей оперы», «Шахматы для композиторов», «Йога под звуки арфы»... Меня чуть не вырубило в сон прямо над тарелкой. От названий несло нафталином и тоской.

– Но я бы на твоём месте рискнул вот здесь, – Майк ткнул пальцем в брошюру, которая на фоне остального мусора выглядела как дерзкое граффити на стене музея. Это был скорее флаер в закрытый андеграундный клуб, чем приглашение в кружок.

Я прищурился. На картинке – полутемная студия, зава-

ленная змеями проводов и гитарными стеками.

– Им до зарезу нужен напарник, – Майк понизил голос до заговорщицкого шепота. – Предыдущий парень выпустился, и банда осталась без фундамента. Им не хватает крови. Вообще-то он играл на басу, но... – он окинул взглядом по моим рукам и усмехнулся. – Думаю, ты потянешь. Четыре струны вместо шести – делов-то для такого профи.

Я выцепил листок из его пальцев. «**Beyond Rules**». Название простое, но от него веяло правильным драйвом.

– Бас-гитара, значит? – я задумчиво щелкнул по бумаге ногтем.

– Именно, – Майк подмигнул мне. – Пройдешь прослушивание – получишь легальный пропуск в репетитории хоть до полуночи. И, между нами, это единственный способ не содохнуть от скуки в этом гадюшнике. Прослушивание завтра после ужина. Рискнешь?

Лишний геморрой – это последнее, что мне сейчас было нужно, но мысль играть что-то, кроме занудных гамм и классики, заставила пульс ускориться.

– Посмотрим, – буркнул я, добивая остывший кофе. – Главное, чтобы они не заставили меня нацепить бабочку и скалиться спонсорам.

Майк откинулся на спинку стула и заржал так, что пара студентов за соседним столом испуганно обернулись.

– Бабочку? – выдавил он сквозь смех. – Итан, если ты придешь к ним в бабочке, они решат, что ты либо агент ФБР под

прикрытием, либо сбежал с урока этикета для девиц. Завтра, девять вечера, актовый зал. Одежда – хоть пижама, лишь бы руки росли из правильного места.

Он внезапно посерьезнел, и в его глазах блеснуло что-то фанатичное.

– Но послушай добрый совет: выложись так, будто это твой последний концерт. Подготовь всё самое убойное, что есть в арсенале. Им не нужен робот, попадающий в ноты. Им нужно шоу. Играй, пой, если глотка позволяет – хоть на голове стой во время соло. Это «**Beyond Rules**» – лучшая банда колледжа. У них не просто кубки на полках, у них реальные контракты на горизонте.

Я крутил в пальцах яркий листок, чувствуя, как внутри ворочается тот самый азарт, который я притащил с собой из Лутона.

– Танцевать? – я скептически выгнул бровь. – Я сюда музыку делать приехал, а не в цирке выступать.

– Поверь, в этой банде музыка и драйв – это один неразрывный кусок мяса, – Майк поднялся, сгребая свои бесконечные талмуды. – Ладно, мне пора сдавать отчет. Завтра в девять. Не проспи свой шанс стать легендой этого пафосного болота, Браун.

Он свалил, оставив меня наедине с пустыми тарелками и этим флаером. Я сунул его в карман спортивок. Девять вечера. Актовый зал. Кажется, Нью-Йорк решил проверить меня на прочность раньше, чем я успел распаковать гитару.

Глава 2

Миа

Особняк моего отца — "великого и ужасного" Джереми Роудса — всегда напоминал мне склеп для антиквариата: ледяной, правильный и до тошноты дорогой. Здесь каждый шаг по мрамору звучит как обвинительный приговор, а прислуга скользит по коридорам тише теней. Но на втором этаже, за тяжелой дверью, этот музей заканчивался. Там начиналась моя территория. Моя крепость. Мой личный, тихий бунт.

Если бы кто-то зашел ко мне, ожидая увидеть розовый шелк, горы косметики или постеры модных мальчиков, он бы решил, что ошибся вселенной. В моей комнате не пахнет фиалками — здесь стоит терпкий аромат разогретых ламп, канифоли и старого винила. Вместо обоев с вензелями — темно-серые акустические панели, которые жадно пожирают каждый лишний децибел.

В центре этого хай-тек королевства возвышается массивный стол, заваленный проводами, с парой огромных мони-

торов и микшерным пультом, чьи индикаторы подмигивают мне уютным зеленым светом. Слева — синтезатор, вечно погребенный под слоями черновиков, справа — на стене, как распятое божество, висит старая электрогитара с потертым до дерева грифом. Полки ломаются не от тувель, а от сотен пластинок: от пыльного джаза до лязгающего индастриала. И, конечно, мониторы — колонки, способные выдать такой звук, от которого ребра начинают вибрировать в такт басу. Единственное напоминание о том, что здесь живет девятнадцатилетняя девчонка — огромная кровать под черным балдахинем, где я ночами напролет пропадаю в ноутбуке, собирая треки для «**Ghost Note**».

— Миа, ты готова? — голос отца за дверью прорезал тишину как скальпель. — Машина подана. И не забудь партитуры Моцарта. Сегодня важный прогон.

Я вздрогнула, сердце на секунду пропустило удар. Быстрым движением захлопнула крышку ноутбука, пряча свою настоящую жизнь. Отец ненавидел эту комнату. Для него это было «электронное кладбище», пустая трата времени. Он вбивал мне в голову, что я обязана стать величайшей пианисткой эпохи, а не «тыкать в кнопки», как он выражался.

Я натянула безупречный пиджак поверх майки — фасад для мира классики. Схватила папку с Моцартом, засунула её в сумку к конькам и вышла на свет.

Спустя час я уже сидела в «Мерседесе», разглядывая через тонированное стекло серые вены Нью-Йорка. Сумка с

коньками привычно и больно давила на плечо — мой билет на свободу, ведь через час после нудной лекции я сбегу на лед, туда, где нет фамилий и ожиданий.

Я только поправила воротник, как телефон в кармане взорвался резкой вибрацией. Я украдкой вытянула его, косясь на отца — он был слишком занят графиками в своем планшете, чтобы заметить мое волнение. Экран светился коротким сообщением, от которого пальцы предательски дрогнули.

Экран вспыхнул сообщением от Коула — моего "соучастника" и помощника группы **«Beyond Rules»**. Пожалуй, он и Ноа, были единственными в этом стеклянном замке, кто знал, что моё «электронное кладбище» на самом деле живет всей этой антикварной роскоши.

✉# *Коул: Эй, Миа, не забудь: сегодня в 9 у нас смотр в актовом зале. Народу тьма, целая толпа записалась на пробы. Напиши, как только вырвешься из-под опеки. Ждём только тебя.*

Я мгновенно заблокировала телефон, чувствуя, как внутри тугой узел предвкушения стягивается еще сильнее. Официально **«Beyond Rules»** были моим детищем, моим идеальным прикрытием. Весь колледж видел в этом престижный проект, а я видела в нем свой единственный щит. Под предлогом бесконечных репетиций, поездок за грантами и статусных выступлений я буквально выгрызала у отца те крупицы свободы, которые он милостиво мне оставлял.

— Кто это пишет? — голос отца прозвучал сухо и бесстрастно. Он даже не поднял взгляда от планшета, где бесконечными змеями ползли биржевые сводки.

— Коул. Напоминает, что сегодня в девять у нас прослушивание, — я заставила свой голос звучать максимально ровно, почти скучающе. — Сам понимаешь, группа колледжа должна процветать, чтобы поддерживать репутацию. У нас был уговор, папа. Я покорно выполняю все твои «хотелки» с классикой и Шопеном, а ты не лезешь в дела группы. Это всего лишь этап учёбы. Получу диплом — и эта игрушка останется в прошлом.

Джереми Роудс на секунду замер. Я видела, как между его бровей пролегла та самая глубокая складка — признак того, что он ненавидит идти на уступки. Но этот компромисс был единственной нитью, удерживающей меня в его идеальном, выверенном до миллиметра сценарии. Наконец, он коротко, почти по-военному, кивнул.

— Хорошо. Но не вздумай задерживаться на этих пробах, — голос отца полоснул по нервам, холодный и острый. — Через неделю начало семестра, и я жду, что в этот раз ты покажешь себя не только как лидер своего сомнительного ансамбля, но и как достойная наследница фамилии. Твои успехи в консерватории должны быть безупречными. Никаких помарок, Миа. Ни одной.

— Конечно, отец, — отозвалась я, мертвой хваткой вцепившись в ручку сумки. Я смотрела в окно на проносящийся

ся мимо Нью-Йорк, только чтобы он не заметил лихорадочного блеска в моих глазах. Чтобы не считал правду раньше времени.

— И ещё, — добавил он, не отрываясь от графиков на планшете, словно бросал мне кость. — Семья Митчеллов устраивает прием, и я принял приглашение. Тебе будет полезно увидеться с Боди. Сама понимаешь, из какого он круга. Хоть он и не музыкант, но его статус... это весомый аргумент.

Я почувствовала, как внутри закипает глухое раздражение. — Он вчера заезжал за мной в колледж, папа. К чему такие частые встречи? Я и так вижусь с ним, хожу на эти бесконечные свидания уже несколько месяцев.

Боди. Идеальный фасад, правильные манеры и полное отсутствие души. Он был частью того «мраморного» мира, от которого мне хотелось бежать, сверкая пятками. Для отца он был «удачным вложением», для меня — очередным надсмотрщиком, который даже не скрывал, что считает меня своим законным трофеем.

— Репутация не строится на редких визитах, Миа, — отрезал отец, ставя точку в разговоре. — Будь готова завтра к восьми.

Нью-Йорк за тонированным стеклом превращался в серую кашу из дождя и бетона. Я видела в отражении свою маску — безупречную, холодную, привычную. Отец был уверен, что группа для меня — просто временный каприз, за-

тянувшаяся детская шалость. Он и представить не мог, что «**Beyond Rules**» — это и есть моё настоящее сердцебиение, которое он так старательно пытался заглушить классическими партитурами.

Я снова вытянула телефон и быстро, почти не глядя на клавиатуру, набрала ответ Коулу:

☒# **Mua:** «Сначала каток, Коул. Буду в 9. Возможно, чуть позже. Начинайте прослушивание без меня».

##

Стены Большого зала филармонии взирали на меня с немим, вековым укором. Величественные дубовые панели за десятилетия пропитались безупречностью Баха и надрывным трагизмом Шопена, став чем-то вроде святилища. Здесь, в самом сердце Нью-Йорка, музыка давно перестала быть искусством — она превратилась в суровую религию, а мой отец — в её главного инквизитора. Воздух в зале был густым, почти осязаемым: смесь канифоли, старой пожелтевшей бумаги и пыли, осевшей на лепнине, которую никто не смел тревожить поколениями. Вечный гул Манхэттена с его сиренами и бешеной спешкой разбивался о толстые стекла, превращаясь в едва уловимый шёпот, не смеющий нарушить сакральную тишину репетитория.

Я сидела за огромным черным «Стейнвеем». В холодном свете софитов его лакированный корпус отливал сталью, на-

поминая свежезамерзшее озеро, по которому мне предстояло идти босиком. Сначала был Бах — ледяная математика, требующая хирургической точности и мертвого рассудка. Затем — Шопен с его коварной мягкостью, под которой всегда скрывались острые, как бритва, шипы. Мои пальцы казались мне свинцовыми гирями; подушечки горели от бесконечного соприкосновения с костью клавиш, а в запястьях поселилась тупая, изматывающая пульсация.

— Ты сегодня крайне нерасторопна, Миа, — голос отца разрезал тишину, как скальпель, вскрывающий нарыв.

Он стоял у высокого окна, заложив руки за спину. Ему не нужно было видеть мои руки — он слышал каждую «недожатую» ноту, каждый микроскопический сбой в ритме, который для любого другого остался бы незамеченным.

— В твоём исполнении нет хребта. Ты просто вяло перебираешь кости мертвецов, — продолжал он, и его отражение в темном стекле выглядело как приговор верховного судьи. — Еще раз. С тридцать второго такта. И на этот раз попытайся хотя бы отдаленно соответствовать фамилии, которую носишь.

Я прикрыла глаза всего на секунду, вдыхая этот «правильный» воздух. Перед мысленным взором внезапно вспыхнул каток — мой честный, чистый лед. Место, где нет места фальши и едким замечаниям. Где ритм задаю я сама, а не этот проклятый невидимый метроном.

Я снова опустила руки на клавиши. Тик-так. Тик-так. Мое

время уходило на чужие мечты.

— Начали, — бросил он, не оборачиваясь.

##

Наконец, спустя час изнурительной борьбы с клавишами, я вырвала у отца скупую, сухую похвалу — высшую награду в его личной системе координат, которая обычно не знала пощады. Но едва тяжелая дверь репетитория захлопнулась, я сорвалась с места. Усталость, только что свинцом наливавшая мышцы, мгновенно испарилась, вытесненная чистым адреналином.

Нью-Йорк встретил меня своим привычным, неистовым гулом, который после гробовой тишины консерватории казался спасительным хаосом. Я запрыгнула в первое попавшееся желтое такси, но город словно решил устроить мне финальный экзамен на прочность: Пятая авеню намертво встала в пробке. Я застряла в этом неподвижном железном потоке на целых полчаса, глядя, как драгоценные минуты, отведенные на лед, тают на глазах. Внутри всё дрожало от нетерпения — мне нужно было это движение, этот холод, эта скорость, чтобы окончательно стряхнуть с себя пыль академической безупречности.

Добравшись до арены, я буквально влетела в раздевалку. Кроссовки — к черту, шнурки коньков — затянуть до хруста в пальцах, пока кости не зануют. Один уверенный шаг, и

лезвия наконец-то коснулись льда. Морозный воздух мгновенно выжег из легких запах нот и тяжелого отцовского парфюма.

— Наконец-то! Я уже решила, что ты сегодня дезертировала, — Софи, мой тренер, картинно всплеснула руками. Она стояла у бортика в своей вечной дутой жилетке, как незыблемый маяк.

— Прости, Софи. Отец заставил терзать клавиши лишний час, — выдохнула я, закладывая первый пробный вираж. Я кожей чувствовала, как затекшие мышцы начинают просыпаться и петь.

— Ох, малышка, понимаю, — она сочувственно качнула головой. — У твоего старика вместо сердца — гребаный метроном. Ладно, не теряем ни секунды. Быстрая разминка — и сразу в программу. У нас всего полчаса, мои три оглоуда дома уже копытами бьют, ждут мать с пайком и запасом чипсов.

Я не выдержала и рассмеялась, уходя на крутой круг.

— О-о, да! Помню, как твой младший уничтожил мою пачку, пока я еще шнурки развязывала. Видимо, аппетит у вас — это семейная черта.

— Именно! Так что работаем быстро и чисто! — Софи свистнула, задавая мне бешеный темп.

Разминка была беспощадной. Лед сегодня казался жестким, как бетон, и я успела дважды смачно приземлиться на задницу. Холод моментально пробрался под спортивки, коп-

чик отозвался тупой болью, но Софи была кремнем. Она гоняла меня по программе с суровостью сержанта, не давая ни секунды, чтобы просто перевести дух.

— Миа, еще раз! Спину держи! — летел мне в спину её голос после каждого сорванного прыжка.

Но, черт возьми, я ловила от этого чистый кайф. Мне нравилось, как мышцы горят от напряжения, а лезвия с хрустом вгрызаются в ледяную гладь. Повторять круг за кругом, ощущая свист ветра в ушах, было в тысячу раз честнее, чем вымучивать безупречного Баха под надзором инквизитора. Здесь падения не означали крах фамильной чести. Они означали только одно: встань и толкнись сильнее.

— Умничка! — Софи заорала так, что эхо отскочило от пустых трибун победным звоном. — Боже, ты это сделала! Я уже думала, поседею, пока дождусь от тебя такого выезда!

Она быстро подкатила ко мне, обдав волной холода, и крепко сжала мои плечи своими шершавыми ладонями. В её глазах светился тот самый, неподдельный восторг — то, чего я никогда не видела в глазах отца, сколько бы идеальных партитур я ни отыграла.

Я стояла, тяжело хватая ртом воздух, а сердце колотилось в ребрах, как пойманная птица. Улыбка сама собой расплзалась по лицу, пока я утирала ледяной пот со лба. Я была живой. По-настоящему живой.

Мы осели в крошечном кафе при катке, где воздух всегда пропитан странной смесью корицы и влажного льда. Я мертвой хваткой вцепилась в горячую чашку с кофе, чувствуя, как жизнь медленно возвращается в онемевшие от холода

пальцы.

— Софи, пристройшь мои коньки у себя? — я кивнула на сумку, которую отец всё чаще сверлил подозрительным взглядом. — Он начинает дергаться каждый раз, когда видит их у меня в руках. Кажется, его интуиция инквизитора почувала неладное.

— Без проблем, малышка, — Софи тут же задвинула сумку поглубже под стол, подальше от лишних глаз. — Меньше улик — крепче сон. Но Миа, соревнования через месяц. Ты же не собираешься дать заднюю в последний момент?

— Даже не думай, — я сделала глоток обжигающего черного кофе. — Почва уже удобрена: я скормила отцу историю про очередной выезд с «Beyond Rules» за какими-то мифическими грантами. Главное сейчас — вкатать программу до полного автоматизма, чтобы ноги сами всё помнили.

Софи прищурилась, её пальцы выбивали по столешнице ритм, подозрительно похожий на тревожный марш.

— Техника — это полдела. Ты обещала решить вопрос с маскировкой. Будет эпическим провалом, если тебя «засветят» журналюги или кто-то из ищеек твоего папаши.

— Всё под контролем, — я постаралась, чтобы голос не дрогнул, хотя сердце предательски екнуло. — Маска, закрытый крой, парик — полная анонимность. На льду никто не узнает в этой «загадочной фигуристке» наследницу Роудс. Я буду просто тенью.

— Ладно, агент 007, ловлю на слове. Через неделю сни-

мом мерки и подгоним костюм так, чтобы он стал твоей второй кожей и не мешал прыжкам.

Я кивнула, проводя взглядом по часам. **8:45.** Время испарилось.

Короткое прощание, рывок к выходу и захлопнувшаяся дверь желтого такси. В голове, перебивая шум мотора, пульсировала только одна мысль: «Девять. Успеть к девяти».

##

Когда я влетела в актовй зал, воздух там уже вибрировал. Плотный, низкий гул бас-гитары пробирал до костей прямо с порога, заставляя забыть о ледяном спокойствии арены.

Я почти бесшумно скользнула в мягкое кресло рядом с Коулом. Шорох моего рюкзака раздался в очередном гитарном запиле, который доносился со сцены. В зале пахло театральным бархатом и тем самым специфическим электричеством, которое всегда искрит перед чьим-то грандиозным триумфом или сокрушительным провалом.

— Опаздываешь, босс, — прошептал Коул, даже не удостоив меня взглядом. Его внимание было намертво приковано к сцене, где очередной кандидат в огромных наушниках пытался выжать из баса хоть что-то вразумительное.

— Задержалась на репетиции, — выдохнула я, судорожно поправляя выбившийся локон. Ледяной драйв после льда всё еще пульсировал в висках, смешиваясь с адреналином

момента. — Какой счет? Сколько я пропустила?

— Пятеро мимо. Двоих карандашом пометил, — он черкнул что-то в планшете. — Но мне нужно твоё чутье. Сегодня их тридцать.

Я чуть не поперхнулась воздухом и резко развернулась к нему.

— Сколько?! Коул, ты что, объявил набор во всем штате? Откуда такая толпа?

— Первый курс, Миа, — он усмехнулся, наконец-то взглянув на меня своими лисьими глазами. — Слетелись на имя «**Beyond Rules**», как мотыльки на прожектор. Половина — «диванные герои», но есть пара экземпляров, от которых пахнет порохом.

Я с силой откинулась на спинку кресла, скрестив руки на груди. Тридцать человек. Это значило, что мы застряли здесь до полуночи, просеивая тонны песка в поисках хотя бы одного золотого самородка.

— Ладно, — я прищурилась, пытаюсь стряхнуть образ ледяной глади, который всё еще стоял перед глазами. — Давай следующего.

Коул громко хлопнул в ладони, безжалостно обрывая неуверенный пассаж парня на сцене.

— Додж, хорош, достаточно. Свободен, бро, в этом году поищи команду попроще. Следующий! — он уткнулся в список, выискивая новую жертву. — **Итан Браун.**

Я даже не подняла головы. Перед глазами всё ещё крути-

лись кадры с катка: я прокручивала тот сложный выезд, который никак не давался, а правая нога под столом нервно выстукивала рваный ритм. Этот пульс внутри меня категорически не желал совпадать с метрономом, который вбил мне в мозг отец.

В зале приглушили свет. Одинокий, резкий луч прожектора выхватил из темноты фигуру. Широкое худе, кепка, козырек которой бросал густую тень на лицо — он выглядел как заноза в этом вылизанном храме искусств. Парень молча опустился на стул, притянул микрофон и уверенным, почти хозяйским жестом опустил его чуть ниже. Без суеты. Без дешевых заигрываний с залом.

Я лениво перевела на него взгляд. «Это что-то новенькое», — мелькнуло в голове. Никаких кашемировых пальто, никакой мишуры и попыток выделиться дурацкими танцами. Только он и его инструмент, который выглядел так, будто прошел через пару уличных войн.

— Привет, меня зовут Итан, я из Лутона, — его голос прозвучал низко, с сырым британским окрасом, который я слышала в коридоре. — Я хочу исполнить свою любимую песню группы **Ghost Note**.

Я мгновенно выпрямилась в кресле, и всё моё напускное безразличие испарилось в ту же секунду. Внутри всё сжалось от недоброго, холодного предчувствия. Чёрт, только не это.

Мой проект. Моя тайна. Моё «электронное кладбище», которое я так бережно прятала от мира. И этот парень из Лутона собирается препарировать мою музыку прямо здесь, на глазах у всех? Пальцы впились в подлокотники кресла. Если он сейчас фальшиво заноеет или испортит бас-партию, которую я выстраивала ночами... я лично вышвырну его из этого зала.

Моя нога, только что отбивавшая четкий ритм, замерла на полудвижении. В ту же секунду по позвоночнику полоснуло арктическим холодом, который резко вытравил из легких весь жар репетиционного зала.

Ghost Note. Моё второе «я». Мой секретный архив, который я годами замуровывала в звукоизоляции своей комнаты, пряча от ищеек отца и от пафоса консерватории.

— Кто-то из Лутона замахнулся на «**Ghost Note**»? — Коул подался вперед, в его голосе прорезалось опасное предвкушение. Он покосился на меня, едва сдерживая ядовитую ухмылку. — Смело, не находишь? Эта девчонка сейчас рвет все мировые чарты. Либо этот парень — гений, считавший её код, либо он полный самоубийца, решивший сплясать на минном поле.

А Итан даже не шелохнулся. В нем не было той суетливой жажды признания, которой брызгали предыдущие кандидаты. Он не пытался развлечь нас дешевым шоу или акробатическими пассажами. Он просто существовал внутри этого светового круга, и его безразмерное худы, казалось, впитывало в себя все тени зала, делая его фигуру монументальной.

Когда он ударил по струнам, по залу прошел не звук — прошла сейсмическая волна. Он извлек из своей побитой гитары колючую, вывернутую наизнанку мелодию. Итан умудрялся вести все партии одновременно на одном инструменте, заставляя дерево стонать и рокотать. Благодаря этому песня обрела новый, пугающий объем.

Это было не просто исполнение. Это было вторжение в мою частную собственность.

— «**A symphony in heart, a fire in the veins,**» — его голос, низкий и чуть вибрирующий, разрезал тишину зала.

**«That sweeps away the city's dusty chains.
Life is a secret, a code to be read,
Where in others' songs my motive is spread.
Freedom is diving into backstage grace,
Where you win the war in your own hidden space.»**

Я вцепилась пальцами в подлокотники кресла.

— Он чертовски хорош, Миа, — выдохнул Коул, и я видела, как он подался вперед, замороженный сценой. — Слышишь, как он ведет бас? Он не просто попадает в ритм, он создает пульс, он заставляет эту комнату дышать.

Я молчала, боясь издать хотя бы звук, боясь, что мой голос разрушит то хрупкое марево, которое этот парень из Лутона соткал из моих же нот. Мой взгляд был намертво прикован к его рукам. Те самые пальцы с «грязными ногтями», о которых шептались в коридоре, сейчас творили магию. Та самая высокая нота в финале... Мой личный вызов. Я считала её невозможной для живого исполнения, чистым студийным трюком. Она зависла в воздухе, тонкая и острая, как лезвие конька на льду... и... сорвалась.

Итан внезапно вскинул голову. Одинокий луч прожектора ударил ему в лицо, и на мгновение мне показалось, что он видит меня сквозь черную пустоту зала. Видит мой страх, моё разочарование, мой секрет. Но звук получился слабым, сухим дребезжанием, и в этой фальши в одну секунду захлебнулась вся магия.

Зал погрузился в тишину, которая была громче любого

крика. Итан замер, его плечи тяжело вздымались под бесформенным худи, руки бессильно опустились.

— Ладно, братан, — Коул первым нарушил это оцепенение, его голос прозвучал буднично и жестоко. — Подучишься, получится в следующий раз. Но не у нас. Извини, график плотный, кандидатов — толпа.

Итан тяжело, почти неслышно выдохнул. В том, как он медленно поднимался и зачехлял гитару, не было ни капли злости или обиды — только смертельная, выжигающая усталость человека, который поставил на этот кон последнюю фишку и проиграл.

Я почувствовала, как внутри что-то дрогнуло. Не глядя на него, я скрытно пихнула Коула локтем в бок и подтолкнула к нему бланк, на котором уже стояла жирная галочка. Коул вскинул бровь, на мгновение встретился со мной взглядом и едва заметно кивнул.

— Ждем в понедельник после обеда, кабинет сто семь, — сухо бросил он.

— Значит... берете? — голос Итана прозвучал хрипло, надтреснуто, будто он только что сорвал связки в безмолвном крике.

— Да, берем. Но учти: больше мы таких промахов не потерпим. У тебя есть неделя, чтобы превратить свои пальцы в идеальный резонатор.

Итан на секунду замер, словно из легких вышибли весь воздух. Я успела поймать этот короткий миг: по его лицу по-

лоснула тень чистого, почти детского облегчения. Но уже через мгновение он снова нацепил свою броню, пряча всё настоящее за этой привычной, до чертиков раздражающей ухмылкой.

— В два часа, Браун. Без опозданий, — отрезал Коул, обрывая этот затянувшийся, искрящийся зрительный контакт. — Следующий!

Оставшееся время превратилось в какой-то сюрреалистичный парад посредственности. Я на автопилоте слушала фальшивые завывания первокурсниц, смотрела на нелепые «танцы с бубнами» и прочий мусор, который здесь каждый второй привык называть искусством. Но мой мозг просто отказывался это переваривать.

Я всё еще была там, внутри *той самой* песни. Мой перенец. Самая первая строчка, которую я когда-то решилась выплеснуть из себя. Песня, которая сто лет назад исчезла из всех ротаций и чартов, став просто строчкой в архиве. Я и сама почти забыла, как она звучит вживую, без фильтров и плагинов. А в его исполнении, в этом низком мужском голосе, она внезапно обрела какой-то новый, пугающий объем. Она перестала быть файлом в ноутбуке. Она стала... живой.

«Черт бы тебя побрал, Итан Браун. Из тысячи треков в сети ты выкопал именно этот. И надо же было тебе спеть его так, будто ты не просто выучил слова, а прочитал мои чертовы мысли».

— Ладно, на сегодня всё! — я резко хлопнула ладонью по

столу, безжалостно обрывая очередного претендента на полуслове. — Всем спасибо, свободны. Те, кого мы отметили, ждём в понедельник в сто седьмом кабинете ровно в четырнадцать ноль-ноль. Остальным — прощайте.

Я вскочила с кресла, стараясь не смотреть в сторону кулис, где скрылся Итан. Мне нужно было срочно уйти отсюда, пока Коул не начал задавать лишние вопросы о том, почему у меня так дрожат пальцы, когда я закрываю планшет.

##

Я сидела в своем убежище — крошечном кабинете для прослушиваний, спрятанном в бетонном лабиринте колледжа. Здесь, зажата между звукопоглощающими панелями и мягким неоновым свечением, я чувствовала себя в безопасности от внешнего мира. Пальцы сами собой перебирали клавиши синтезатора, по кругу проигрывая те самые такты. Ту самую песню, которую Итан Браун вытащил из пыльных подвалов моего прошлого и швырнул мне прямо в лицо, не моргнув глазом.

Я заперлась в кабине записи, отрезав себя от мира тяжелой герметичной дверью. В руках — бас-гитара, тяжелая и холодная, совсем не похожая на податливые клавиши моего «Стейнвея». Я перекинула ремень через плечо и коснулась струн.

Пальцы сами собой начали выстукивать ту самую мело-

дию. Тот самый ритм, который притащил с собой Итан. Я закрыла глаза, пытаюсь воспроизвести его подачу — ту грязную, честную пульсацию, которая заставила вибрировать воздух в актовом зале. Но под моими руками бас звучал слишком правильно. Слишком... академично.

Я ударила по струне «ми», чувствуя, как низкая частота бьет в грудную клетку. Раз, два, три... Я снова и снова прогоняла басовую линию **Ghost Note**.

В наушниках шелестел пустой трек, а я продолжала терзать струны, пока на подушечках пальцев не появилось знакомое жжение. Это была не просто репетиция. Это была попытка взломать свой же код. Попытка доказать самой себе, что я всё еще хозяйка этой музыки, а не просто случайный зритель, подсмотревший, как кто-то другой проживает мою жизнь.

Резкий щелчок дверного замка заставил меня вздрогнуть всем телом.

— Напугал! — я дернулась, и под рукой взорвался случайный, режущий диссонанс. — Какого черта без стука, Коул?

— Извини, босс, не хотел ломать твой творческий экстаз, — он лениво прислонился к косяку, поигрывая связкой ключей. — Я в зале всё свернул, аппаратуру зачехлил. Можно выдохнуть. Тебя подбросить? Мой байк сегодня настроен на рекорды.

— Нет, спасибо. Я сама, — я качнула головой, не обра-

чиваясь, гипнотизируя мигающие индикаторы пульта. Мне нужно было побыть одной, чтобы уложить этот вечер в голове.

— Ну, как знаешь. Смотри не превратись тут в привидение, а то охранники перепугаются, — он усмехнулся и оттолкнулся от двери. — Тогда до завтра.

— Пока, — я коротко махнула рукой, слушая, как его шаги вязнут в тишине пустого коридора.

И вот я осталась одна. Взгляд упал на часы, и внутри всё похолодело — стрелки неумолимо ползли к полуночи. Черт. Отец будет в ярости. В его безупречном мире дисциплина стоит выше любого вдохновения, а опоздание на пять минут — это государственная измена, за которой следует допрос с пристрастием.

Я одним движением вырубилась. Кабинет мгновенно ослеп и погрузился в серую, давящую тишину. Схватив сумку, я почти бегом рванула к выходу, лихорадочно перебирая в уме варианты лжи. Какую сказку мне придется скормить ему на этот раз, чтобы оправдать этот вечер? Шопен не терпит суеты, папа? Или репетиция «Beyond Rules» затянулась из-за проблем с акустикой? Каждая ложь ложилась на плечи новым грузом, но правда была еще опаснее.

Глава 3

Итан

В Лутоне ты быстро понимаешь одну вещь: если хочешь чего-то добиться, вставай пораньше и вкалывай до темноты. Нью-Йорк мало чем отличается, разве что здания повыше да гонору у местных побольше. Я смотрю на этих холеных студентов в музыкальном колледже и чувствую себя чужаком. У них в карманах безлимитный кредит, у меня — пустота и упрямство. Легкие пути — это для тех, кому есть что терять, или для тех, у кого за спиной стоит армия нянек с чековыми книжками. Я не из их числа. Пока Миа Роудс задыхается в своей «золотой клетке», измеряя жизнь стоимостью дизайнерских туфель и фальшивыми улыбками на приемах, я выбираю другой маршрут. Моя дорога ведет туда, где воздух пропитан едким запахом пережаренного бензина, дешевого табака и старого, уставшего железа.

Скомканный листок с объявлением о поиске механика в

моем кармане — это не просто шанс подзаработать. Это мой единственный входной билет в этот гребаный город, который не принимает чужаков без боя. Моя жизнь никогда не звучала как стройная симфония; в ней нет места скрипкам и высокопарным нотам. Мой ритм — это тяжелый грохот заводских станков, скрежет металла о металл и мат работаг в третью смену. Я привык, что единственная опора в этом мире — это мои собственные руки, покрытые шрамами и въевшимся мазутом.

Две пересадки на автобусах, три часа в душном лабиринте незнакомых улиц — и вот я здесь. В кармане почти пусто: те крохи, что удалось сэкономить, тают быстрее, чем надежды на легкую жизнь в этом городе. В Нью-Йорке даже воздух стоит денег.

Мой удел — это вкалывать. В Лутоне я привык, что всё достается только через пот и содранные в кровь костяшки пальцев, и здесь правила те же. Музыка подождет до вечера. Сейчас гитара в чехле — это просто лишний вес на плече, а не пропуск в красивую жизнь. Мне нужны наличные: на нормальную еду, чтобы не сводило желудок, на куртку потеплее — Нью-Йоркский ветер пробирает до костей похлеще британского, — и, черт возьми, на запасные струны. Потому что если лопнет последняя «ми», моя мечта окончательно замолкнет, а купить новую пачку в этом городе стоит столько, сколько в Лутоне стоил целый обед.

Обрывок газеты в моей ладони кажется влажным и чу-

жим. От него тянет бензином, старой ржавчиной и тем самым специфическим душком безнадеги, который преследовал меня через океан. Похоже, от судьбы не спрячешься — она везде пахнет одинаково. Я сворачиваю к мастерской, чувствуя привычный зуд в пальцах. Мои руки помнят не только изгибы гитарного грифа и дрожь струн, но и тяжелую, честную логику двигателей. Если этот город решил проверить меня на излом, пусть пробует. Я привык выгрызать свое право на жизнь в одиночку, и этот гараж станет моей первой траншеей в их вылизанном «золотом» мире.

Стеклянная дверь поддается на удивление легко, и я замираю на пороге, едва не забыв, как дышать. В моем родном Лутоне автосервис — это кладбище лысой резины, вечный слой мазута, который въедается в кожу намертво, и канонада мата из-под капотов. А здесь... черт, здесь стерильнее, чем в операционной.

Я шел в грязную конуру, где воняет горелым маслом, а попал в какой-то высокотехнологичный храм. Идеальный наливной пол, залитый светом, ни единого потека, ни пылинки. Первое желание — развернуться и уйти, пока охрана не приняла меня за бродягу, заблудившегося на выставке для миллионеров.

Но вывеска неумолима: адрес верный. В этом проклятом месте даже тяжелый труд умудрились отполировать до блеска, словно картинку для глянца.

Я заставляю себя подойти к стойке. Девушка за ней —

идеальное дополнение к интерьеру. Каштановый хвост волосок к волоску, а глаза сияют так, будто она нашла под капотом слиток золота, а не масляный фильтр.

— Добро пожаловать! — пролепетала она, ослепляя меня дежурной улыбкой.

— Здравствуйте, — бросил я, стараясь не слишком сильно наследи́ть на их безупречном полу.

Достав из кармана измятый клочок газеты, я положил его на полированную стойку. Контраст между этой грязной бумажкой и её ухоженными руками был почти комичным.

— Я по объявлению. Есть ещё место?

Она медленно перевела взгляд с газеты на меня. Я кожей чувствовал, как она сканирует мой поношенный вид. Пауза затянулась, но затем она снова улыбнулась:

— Да, вакансия ещё открыта.

Её пальцы с аккуратным маникюром коснулись газетной вырезки.

— У вас есть какие-то документы или сертификаты, подтверждающие, что вы специалист в этой области?

Я едва не усмехнулся. В Лутоне моим "сертификатом" были черные от мазута ногти и умение перебрать движок за ночь в неотапливаемом боксе. Но здесь, в Нью-Йорке, похоже, даже для того, чтобы крутить гайки, нужно иметь красивую бумажку в рамке.

— Нет, я самоучка, — отрезал я, стараясь, чтобы голос звучал уверенно. — Но починить могу почти любую тачку.

Хоть с закрытыми глазами.

Улыбка девушки не дрогнула, но стала какой-то жалостливой, как будто я был бродячим псом, просящим кость.

— Видите ли... — протянула она, аккуратно отодвигая мой обрывок газеты. — Мы работаем с очень дорогими машинами. Если что-то пойдёт не так, ответственность ляжет на наш сервис. Мы должны быть на сто процентов уверены, что вы действительно разбираетесь. К сожалению, я не могу принять вас просто как самоучку. Без документов — никак.

Я коротко кивнул. Спорить было бесполезно — в этом городе бумажка значит больше, чем умение. Я уже обирался выйти обратно в Нью-Йоркскую духоту, когда дверь в глубине помещения распахнулась. Оттуда вышел мужчина лет сорока. Его руки, широкие и мозолистые, были такими же, как у меня — видевшими не один литр моторного масла. Он на ходу вытирал их ветошью, оставляя на ней тёмные пятна.

— Джули, «Мерседес А5» готов, — бросил он, даже не глядя на нас. — Сделай пометку и свяжись с хозяином. Пусть забирает своего «немца».

— Хорошо, Дилан, — она тут же застучала по клавишам.

Мужчина наконец поднял глаза и наткнулся на меня. Он окинул взглядом мой небрежный вид.

— А это кто? Какая у вас машина? — спросил он хрипло, явно не привыкший к пустой болтовне.

— Я по объявлению, — ответил я, уже делая шаг к выходу. — Но я уже ухожу.

— Дилан, он хотел устроиться по вакансии, — вставила Джули, не отрываясь от монитора. — Но у него нет никаких документов. Он самоучка.

— Студент, что ли? — Дилан прищурился.

Я коротко кивнул. Лишние слова здесь были ни к чему.

— В машинах хорошо разбираешься? — Его голос звучал хрипло, как старый дизельный движок.

— Не уверен, что вашим ожиданиям «хорошо», — ответил я, стараясь не выдать волнения, — но в Лутоне на меня не жаловались.

Дилан усмехнулся, и в его глазах промелькнуло что-то похожее на понимание.

— Не местный, значит? Британец... Ладно, пойдём, посмотрим на твои умения в деле. Джули, сними объявление на время.

Девушка за стойкой испуганно округлила свои сияющие глаза. Она явно не привыкла к таким нарушениям протокола.

— Но, Дилан! Как же документы? Мы же не можем... А страховка? А правила?

Дилан даже не обернулся. Он уже шагал в сторону боксов, бросив через плечо:

— Джули, я тут хозяин. Мне позарез нужны руки. И если они у него растут не из задницы, то это просто супер. Остальное — моя забота.

Я почувствовал, как внутри что-то отпустило. Впервые за

всё время в Нью-Йорке мне не указали на дверь из-за отсутствия «платиновой жизни». Я шагнул за ним, в святая святых этого места, где за блестящим фасадом наконец-то пахло настоящей работой.

##

Масштабы этого места поражали. Это был не просто гараж, а настоящий ангар, пульсирующий техническим совершенством. Вокруг стояли автомобили, стоимость которых превышала всё, что я видел в Лутоне за всю жизнь, вместе взятое. Возле каждого полированного капота сустились по двое механиков в чистой униформе. «Ого», — пронеслось в голове. Это было больше похоже на элитный автосалон, чем на мастерскую.

Дилан резко обернулся ко мне, не сбавляя шага:— Как зовут?

— Итан. Итан Браун, — ответил я, стараясь не глазеть по сторонам.

— Очень приятно, — он крепко, по-мужски пожал мне руку. — Я Дилан. Дилан Джонс, хозяин и основатель этого сервиса.

Он подвел меня к одному из пустых боксов, где стоял разобранный красавец-мерседес, выглядящий сиротливо на фоне своих блестящих собратьев.

— Вот тебе тачка. Починишь в течение часа — и рабо-

та твоя. К концу смены она должна выглядеть вот так, — он кивнул на соседнюю машину, доведенную до зеркального блеска.

Дилан всучил мне планшет с характеристиками и списком жалоб владельца: электроника барахла, а двигатель издавал странный свист, который не могли поймать на диагностике.

— Постараюсь, — коротко кивнул я, уже прикидывая в уме, с чего начать.

— Валяй, британец, — Дилан по-дружески хлопнул меня по спине, указал на стеллажи с инструментами, от которых у любого механика потекли бы слюнки, и зашагал обратно к Джули.

##

Это был самый длинный час в моей жизни. Пока холёные механики вокруг валяжно обсуждали планы на вечер, я буквально жил под этим «немцем». Электроника капризничала, как избалованная девчонка, но в Лутоне меня учили: если механизм не слушается, значит, ты просто не нашёл к нему подход.

Когда с проводами было покончено, я не остановился. Последние пятнадцать минут превратились в спринт: я драил кузов до зеркального блеска, подкачал колёса и, не удержавшись, прошелся химчисткой по салону. В носу стоял запах дорогой кожи и чистящего средства, а по спине катился пот.

Ровно через шестьдесят минут Дилан вырос рядом, как из-под земли. Я как раз делал последний взмах тряпкой по боковому зеркалу. Он молча выудил из кармана ключи и кинул их мне — я поймал их на лету, даже не обернувшись.

— Надеюсь, ты умеешь водить? — буркнул он, вскинув бровь.

— Умею, — коротко кивнул я.

— Тогда заводи. Посмотрим, что ты там накрутил.

Дилан по-хозяйски запрыгнул на пассажирское сиденье

и первым делом провел рукой по приборной панели. Его взгляд зацепился за идеально чистые коврики и свежий вид обивки.

— Молодец. Этого не было в заказе, но клиент оценит. Люблю, когда у парней руки чешутся сделать лучше, чем просили.

Я скользнул в кожаное кресло — после автобусов оно показалось мне треном — и повернул ключ. Машина не просто завелась, она отозвалась ласковым, ровным гулом, от которого по полу ангара пошла едва заметная вибрация. Это был звук победы. Я невольно улыбнулся, глядя на приборную панель: ни одной лишней лампочки, только чистый ритм исправного мотора.

— Чего лыбишься? — голос Дилана вырвал меня из минутного триумфа. — Будем так и стоять, слушать этот рокот, пока смена не кончится?

Он кивнул на распахнутые ворота, за которыми шумел Нью-Йорк. — Выезжай из ангара. Прежде чем отдавать её клиенту, надо проверить всё в деле. Прокатимся по городу и обратно.

Я на мгновение замешкался, крепче сжав руль, обтянутый дорогой кожей. В голове пронеслась мысль о моих старых кроссовках на этих педалях и о том, что эта машина стоит больше, чем весь мой квартал в Лутоне.

— Но я...

— Что «я»? — Дилан усмехнулся, поудобнее устраиваясь

в кресле. — Поехали! Уверен, ты ещё не гонял на таких ласточках. Посмотрим, как ты чувствуешь дорогу, Итан Браун.

Я плавно переключил передачу. «Мерседес» тронулся с места так мягко, будто плыл по маслу. Мы выехали из сервиса прямо в гущу городского безумия. Жёлтые такси, вечная спешка, звуки сирен и тысячи людей, бегущих по своим делам.

Теперь я был не просто парнем с двумя пересадками на автобусе и пустым карманом. Я сидел за рулём идеального механизма, который сам же и оживил. И пока мы лавировали в потоке, я кожей чувствовал, как этот город начинает понемногу меня впускать.

##

Это был момент, когда тяжелый ком в груди, мучивший меня с самого прилета, наконец начал таять. Сорок минут за рулем дорогого «немца» в бешеном потоке Нью-Йорка пролетели как одна секунда. Когда мы вернулись в бокс и я заглушил двигатель, в ангаре на мгновение повисла та самая правильная тишина — тишина хорошо проделанной работы.

Дилан забрал ключи и с размаху похлопал меня по плечу так, что я чуть не грохнулся. — Отлично. Я так и думал, что ты справишься.

— Откуда вы знали? — не удержался я. — Вы ведь меня впервые видите.

Дилан усмехнулся и кивнул на мои ладони:— Руки-то свои видел? У обычных студентов, что сюда забредают, они с идеальными ноготками и одной-единственной мозолью на указательном пальце — от ручки. А твои сразу видно, работу видали. Такие руки не врут, парень.

Он вытащил из кармана бланк и быстро чиркнул на нем цифру.

— Занеси завтра мне своё расписание, обговорим график. А это — он протянул мне чек — твоя зарплата за сегодня. У нас расчет каждый день: починил — получил. Сумма зависит от сложности и самой тачки. Но уверен, на жизнь в этом городе тебе теперь точно хватит.

Он подмигнул мне, словно мы уже сто лет были напарниками, и на обороте чека быстро набросал адрес и номер телефона.

— Это где я живу. Если что — звони, пиши. Ты молодец, Итан. А теперь дуй к Джули, пусть запишет твои данные. Заполни анкету и свободен. До завтра!

Я смотрел на чек в своих руках. Цифра на нем была больше, чем я зарабатывал за месяц в Лутоне, вкалывая до седьмого пота. Впервые я почувствовал, что Нью-Йорк — это не просто клетка из стекла и бетона, а место, где мои мозоли наконец-то чего-то стоят.

Я направился к стойке, где Джули уже ждала меня с пачкой бумаг. Её взгляд теперь был совсем другим — в нем читалось некое подобие уважения.

— Извини, что сразу отказала, — Джули виновато улыбнулась, протягивая мне папку с документами. — Сам понимаешь, правила. Кто ж знал, что Дилан их нарушит... Поздравляю с работой! Вот это нужно заполнить. Присядь вон за тот стол.

Она указала на небольшой стеклянный столик в углу, который выглядел слишком хрупким для парня в замасленной куртке.

— А завтра привезёшь бланк занятий, — продолжила она, уже что-то помечая в компьютере. — Мы подбьём под него график. Раз уж ты студент, уверена, времени на подработку у тебя не много. Но, глядя на то, как ты работаешь... думаю, ты справишься.

Я кивнул и сел за стол. Перед глазамиплыли строчки анкеты: «Имя», «Фамилия», «Место учебы». Я замер, сжимая ручку. В престижном музыкальном колледже меня знали как одаренного парня с грантом. А здесь, в пахнущем дорогим воском ангаре, я был Итаном — механиком, чьи руки пахнут бензином.

Две жизни, два мира. Один — для папиной мечты и светлого будущего, другой — чтобы просто не протянуть ноги с голоду.

Глава 4

Миа

Утро встретило меня привкусом поражения и дешевой драмы — впрочем, в моей жизни это уже давно стало базовым набором. В голове грохотало так, будто я всю ночь провела, прижавшись ухом к колонке на рок-концерте, хотя реальность оказалась куда тоскливее: бесконечный родительский монолог. Очередная порция нотаций отца о "*че-сти великой фамилии*", моем "*моральном разложении*" и — вишенка на торте — начале нового учебного года. Эти лекции выматывают похлеще многочасовой репетиции в душной студии. Джереми Роудс не признает возражений, и его голос, холодный и отточенный, до сих пор рикошетил в моих висках, не давая забыть, в чьем доме я нахожусь.

Если бы не мама, я бы, наверное, сошла с ума. В нашей семье она — единственный миротворец, святая женщина, способная одним взглядом обуздать разбушевавшегося продюсера и увести его в спальню, подальше от моего измученного

"надзора".

— Милая, если не хочешь утреннего продолжения вчерашней демагогии, лучше поспеши, — её голос, мягкий и тихий, прервал мои безрадостные мысли.

Мама заглянула в комнату, принеся с собой привычные запахи крепкого кофе и лака для волос. Она протянула мне связку ключей.

— Возьми мою сегодня машину, ладно? Я попрошу отца подвезти меня, у меня сегодня класс скрипки.

— О-о-о, мам, ты просто спасительница... — я буквально застонала, пытаясь оторвать голову от подушки. Каждая мышца ныла, напоминая о вчерашних часах на катке. Тело помнило лед, а разум — строгие требования отца.

— Я собрала тебе сэндвичи, — она замялась у порога, а потом её взгляд многозначительно переместился на мой рабочий стол. — И да, дорогая... Тебе стоит это припрятать.

Я проследила за её взглядом и похолодела. Там, в круге света от настольной лампы, лежала она — маска для турнира. Мое тайное творение, расшитое серебристыми камнями, которые в лучах утреннего солнца вспыхивали, как настоящие осколки льда. Вчера я была настолько вымотана, что даже не накрыла её тканью. Моя тайна лежала на виду, беззащитная и опасная.

— Блин, я вчера так выключилась, что совсем забыла... — пробормотала я, судорожно натягивая одеяло до самого подбородка, словно это могло что-то изменить.

Мама подошла ближе. В её глазах я увидела то, чего боялась больше всего — смесь искреннего любопытства и тихой тревоги.

— Не хочешь поделиться? — тихо спросила она. — Я пойму, обещаю.

Укол совести был резким и болезненным. Я отвела взгляд, не в силах смотреть ей в глаза.— Не сейчас, мам. Пожалуйста. Я обязательно всё расскажу, но... позже. Когда это станет чем-то осязаемым, реальным.

— Хорошо, малышка, — она нежно сжала мою руку. — Просто помни: я на твоей стороне. Что бы ни случилось.

Когда дверь за ней закрылась, я наконец выдохнула. Этот день обещал быть решающим, и я должна была успеть сбежать в колледж раньше, чем отец вспомнит, что еще не всё сказал о моей "деградации".

##

Через сорок минут мамин огненно-красный спорткар замер на стоянке колледжа — эффектно, как и подобает "принцессе" шоу-бизнеса. Я выскочила из салона, на ходу подхватывая сумку, и рванула к дверям. Нью-Йоркские пробки сегодня явно объявили мне личную войну: шансы на спокойное утро учебного дня таяли с каждой секундой, безнадежно упущенной на светофорах.

В дверях я на полном ходу впечаталась в кого-то плечом.

Удар был резким, выбивающим воздух.

— Эй, опять?! — раздался до боли знакомый хрипловатый голос.

Я затормозила, едва не проехав кроссовками по лакированному полу, и обернулась. Перед глазами замаячила та самая выцветшая кепка. Итан. Опять этот парень из Лутона, и опять наши пути пересекаются в режиме крушения поезда. Его листы веером рассыпались у моих ног, усеивая пол белыми пятнами.

— Извини! — крикнула я, поспешно сгребая его бумаги.

Мельком взгляд зацепился за верхний лист — расписание первого курса. Память сработала быстрее, чем вежливость.

— Если что, история у тебя в тридцать пятом кабинете, в другом крыле! — выпалила я, буквально впечатывая стопку бумаг ему в грудь.

Итан опешил. Его руки инстинктивно прижали листы, а в глазах промелькнуло недоумение вперемешку с колючей насмешкой, которую я ненавидела.

— И не за что! — бросила я уже через плечо, скрываясь в лабиринте коридора.

Я кожей чувствовала его взгляд, сверлящий мою спину.

— Конечно, Ваше Величество! Большое спасибо! — его издёвка полоснула по воздуху, точь-в-точь как при нашей первой встрече.

Я даже не замедлила шаг. Мне было плевать. За этот год в колледже на меня навесили столько ярлыков, что под их

тяжестью можно было задохнуться. «Золотая девочка», «Папина радость», «Билет в шоу-бизнес». Каждый второй здесь видел не меня, а фамилию в зачётке. *«Миа, а можно твой отец меня послушает?»*, *«Миа, замолви словечко на студии...»*. Для них я была функцией, удобным мостиком к славе Джереми Роудса. Они видели во мне перспективную дочку, ходячий контракт с пятью нулями, но никто — абсолютно никто — не знал меня настоящую.

Я влетела в 107-й кабинет, и звук моей сумки, грохнувшейся на стул, эхом разнесся по пустой студии. Коул уже вошёл с коммутацией, опутанный проводами, как паук в центре своей музыкальной паутины.

— Ты чего такая взвинченная? — он вскинул бровь, оценив мой растрёпанный вид и мамин брелок от спорткара, который я нервно сжимала в кулаке. — Опять фанаты папочки атаковали на парковке?

— Хуже, — выдохнула я, отбрасывая мешающие волосы от лица. — Нападение из Лутона. Итан Браун и его фирменный ядовитый сарказм прямо с порога.

Коул усмехнулся, протягивая мне спасительный стакан с кофе. Его спокойствие всегда немного приводило меня в чувство.

— Привыкай. Ноа вчера весь вечер жаловался — этот парень тот ещё экземпляр. Говорит, не смыкал глаз до трёх ночи, пока Браун истязал свою гитару, пытаясь «высверлить» какую-то одну-единственную ноту..

— Правда? Упёртый, как баран. Типичный провинциальный максимализм — думает, что если просидит над струнами всю ночь, то мир падет к его ногам.

Я поправила ляжку сумки и кивнула в сторону выхода, допивая кофе на ходу.

— Ладно, ты тут шамань над аппаратурой, проверь звук. А мне пора на эшафот к руководителю. Новый учебный год — старые песни о главном. Уверена, миссис Саро уже наточила язык и выдаст нам что-то в духе: «Так, быстро подняли свои ленивые задницы и сыграли так, чтобы у спонсоров искры из глаз посыпались! Нам нужен этот кубок, или я сделаю из ваших гитар дрова!»

Коул расхохотался, едва не выронив кабель из рук.

— Один в один! Прямо слышу её стальные интонации. Давай, иди, «золотая надежда колледжа», не разочаруй её. Увидимся в два на репетиции.

Я вышла в коридор, чувствуя, как привычная маска "принцессы Роудс" снова плотно прилегает к лицу, скрывая настоящую меня. Возле кабинета деканата я наткнулась на Ноа. Несмотря на брендовые шмотки и укладку, вид у него был помятый и крайне недовольный.

— Слышь, Миа, — притормозил он меня, преграждая путь. — Твой новый басист... скажи ему, что если он еще раз устроит ночной перформанс «Как свести соседа с ума басовыми линиями», я его гитару об его же кепку в щепки разнесу. Ладно?

Я лишь усмехнулась, не замедляя шага.

— Скажи ему это сам в два часа на репетиции, Ноа.

— Я ему и в комнате это говорил, а он мне в ответ — «закройся»! Представляешь? — Ноа возмущённо зашагал за мной по пятам, размахивая руками. — Неделью в общежитии, а этот провинциал уже ведет себя как хозяин жизни. И за какие грехи нам в группу ты этого... убогого? Ну скажи, Миа?

Я резко остановилась у самой двери кабинета миссис Саро и медленно повернулась к нему. На моих губах сама собой заиграла дерзкая ухмылка, которую я берегла для особых случаев. Я посмотрела ему прямо в глаза и, в точности скопировав интонацию, которую он только что описывал, произнесла:

— Ноа, закройся.

Я рассмеялась, видя, как у него буквально отвисла челюсть, и, оставив его переваривать моё «гостеприимство», толкнула дверь деканата..

В кабинете царил полумрак, статусный аромат старой бумаги и дорогого табака — фирменный знак миссис Саро. Она сидела за столом, погребенная под завалами папок, и даже не подняла головы, когда я вошла. В этой тишине я поняла: игры закончились, начинается настоящий бой за выживание в этом учебном году.

— Миа Роудс, — пророкотала она своим низким, прокурренным голосом, от которого у первокурсников обычно подгибались коленки. — Как раз вовремя. Присаживайся.

Саро не любила пустых приветствий. Она сразу перешла к делу, разложив передо мной невидимую шахматную доску семестра.— У нас грандиозные планы, и твои «Beyond Rules» в самом центре. Грант от города сам себя не зарабатывает, а спонсоры жаждут не просто нот, а настоящего шоу. Ты ведь уже нашла нового гитариста?

Я опустила в глубокое кожаное кресло, чувствуя себя скорее на допросе, чем на консультации.

— Гитариста в штате пока нет, но мы активно «прочесываем» поток новичков, — отозвалась я, выкладывая на стол пухлую папку с наработками. — Здесь то, что отшлифовано до блеска, а вот это — черновики новой программы. Я всё лето убила на аранжировки, так что, миссис Саро, будьте добры, утвердите бюджет на этой неделе. Если вам нужен кубок, мне придется загонять ребят до седьмого пота уже сейчас. И не забывайте про мои академические часы — их никто не отменял.

Саро бегло листала бумаги, согласно кивая своим мыслям.— Да, Миа, выглядит убедительно. Я рассмотрю это в приоритете. Но есть еще кое-что... Традиционный выезд в студенческий лагерь. Буду признательна, если ты возьмешь на себя культурную программу. Ну, сама знаешь: костры, песни, «тимбилдинг».

Внутри у меня всё закипело. Опять общественная нагрузка?

— Но миссис Саро! — я всплеснула руками, едва не смах-

нув лампу. — У меня дел выше крыши! Группа, сессия, тренировки... Почему я? Пусть этим займутся новички. Лагерь ведь для них — вот пусть сами себя и развлекают, принося пользу колледжу!

На губах Саро заиграла та самая загадочная улыбка, которая не сулила ничего хорошего. Похоже, роль вожатой была выписана мне в сценарии еще до того, как я вошла. — А знаешь, это отличная идея! — она внезапно просияла и захлопнула мою папку. — Возьми новичков и вместе со своей группой подготовьте всё. Я даже выделю вам время за счёт занятий, которые сейчас не в приоритете. Например... фортепиано. Кому оно нужно в таком объёме, верно?

Она заговорщицки подмигнула, зная, как я ненавижу бесконечные часы за роялем, которые навязывает мне отец. — Бери тех, кто на нём не специализируется, и вперед. Жду отчет через две недели.

— Ладно! — я почти подпрыгнула в кресле. — Раз уж мы жертвуем классикой... то будут вам и костры, и песни, и такие пляски, что лесничие прибегут на шум.

##

Я пулей вылетела из кабинета, едва не снеся Итана, который, кажется, решил окончательно прописаться в этом коридоре.

— Да что ты вечно под ногами путаешься? — прошипела

я, нервно поправляя сумку.

— А ты чего вечно летишь как ненормальная? — не остался он в долгу, вальяжно скрестив руки на груди. — В этом здании люди ходят, а не устраивают забеги на выживание.

Я закатила глаза, чувствуя, как внутри закипает раздражение. — У меня, в отличие от тебя, первогодка, дел по макушку. А хотя... — я резко затормозила, и в голове со звоном щелкнул идеальный план. — Вот ты этим и займешься.

Итан подозрительно прищурился, в его взгляде читалось явное ожидание подвоха. Но я не дала ему вставить ни слова.

— Миссис Саро подкинула задачку. Твоя личная миссия: найти таких же «одаренных» первокурсников, как ты сам, и за две недели выдать мне готовый план выезда в лагерь. Подробный список требований получишь в два часа, когда явишься на репетицию. А теперь — шагай, куда шел, не гораживай проход.

Я оставила его стоять посреди коридора с открытым ртом. Вид у него был такой, будто я только что вручила ему не список дел, а активированную бомбу с тикающим таймером.

— Слышь, «Ваше Величество»! — крикнул он мне в спину, когда я была уже в десяти шагах. — Ты сейчас серьезно? Я только порог этого храма переступил, а ты уже вешаешь на меня организацию целого табора?

— Привыкай к ритму Нью-Йорка, Браун! — отозвалась я, даже не оборачиваясь, наслаждаясь моментом. — Или ты

думал, что будешь только струны перебирать и ловить восторженные взгляды? У нас тут выживает сильнейший. И раз уж ты такой упертый, вот и покажи, на что способен твой хваленый «лутонский характер».

— План к выезду... — пробормотал он себе под нос, но эхо коридора донесло его слова до меня. — И где я тебе найду таких же «глупых», если тут все вокруг строят из себя будущих Паганини?

Я только победно усмехнулась. — Найти новичков, мечтающих прогулять нудные пары по фортепиано ради костра и свободы — задача на пять минут. А вот заставить их работать как единый механизм под твоим началом — это уже задачка на выживание, Итан.

##

После бесконечной череды нудных лекций я наконец встретила Клэр. Мы буквально доползли до столовой, и я рухнула на свободный стул, чувствуя себя выжатым лимоном. Клэр моя подруга коллежда, и по совместительству психолог.

— Ну и? Сколько претендентов в итоге прошло через твои пытки? — спросила Клэр, лениво ковыряясь в салате.

— Десять... — простонала я, закрывая лицо ладонями. — Клэр, как я должна выбрать одного? Трое еще хоть как-то попадают в ритм, но мне нужен *тот самый* пазл, понима-

ешь? Чтобы всё совпало до щелчка.

Клэр ехидно прищурилась, явно наслаждаясь моей дилеммой.— Слушай, ты сама захотела собрать свою банду, «Миа и компания». Теперь не жалуйся на кастинг.

— Кто же знал, что мы так выстрелим за год? — я откинулась на спинку стула, глядя в потолок. — Эта группа задумывалась как прикрытие, чтобы отец меньше капал на мозги со своей классикой. А теперь... в меня вцепились все. «*Миа, послушай трек!*», «*Миа, давай коллаборацию!*». Чувствую себя породистым щенком на выставке, которому каждый норовит сунуть лакомство.

— Все хотят кусочек славы Роудсов, — Клэр внезапно серьезнела. — Но ты ведь ищешь не просто исполнителя. Тебе нужен тот, кто не будет заглядывать тебе в рот и ловить каждое слово. Такого как Мэтью.

— Именно! — я со стуком поставила стакан на стол. — И, кажется, один такой экземпляр из Лутона сегодня возомнил, что он здесь самый умный.

— Ого? И кто этот смертный счастливчик? — Клэр замерла с вилкой во рту, требуя подробностей.

— Кто-кто... конь в пальто, — огрызнулась я, ворочая остывший ланч. — Ноа говорит, он только на гитаре брэнчать горазд. И по иронии судьбы они теперь соседи по комнате. Представляешь?

Клэр вдруг замерла, а потом со стоном уронила голову на руки.— Это который Итан? Боже! Ноа мне все уши про-

жужжал про своего нового соседа-гитариста. Прямо трагедия шекспировского масштаба: «*Он басит над ухом!*», «*Он дышит моим воздухом!*». Слушай, Миа, а может, тебе реально стоит его взять? Если Ноа так бесится, значит, парень играет чертовски хорошо. Раздражать Ноа своим талантом — это, знаешь ли, почти искусство.

— Посмотрим, — я холодно прищурилась, выстукивая нервный ритм по столу. — Мне нужен бас, понимаешь? Настоящий фундамент, костяк, а не очередной выскочка, мечтающий о соляках. Между «просто гитарой» и басом — пропасть, Клэр.

— Ну, если он всю ночь «высверливал» ту самую ноту, значит, пальцы у него что надо, — Клэр многозначительно подмигнула своим пошлым намёком. — Дай ему шанс. В крайнем случае, будет кому хворост в лагере таскать.

Я промолчала, но в голове снова и снова всплывало его дерзкое «Ваше Величество». В два часа на репетиции я устрою ему такой экзамен, что его хваленая «лутонская закладка» затрещит по швам. Либо он докажет, что его бас — это живое сердце моей группы, либо пусть отправляется играть в переходы подземки.

Глава 5

Итан

Я и в самом страшном сне не мог представить, насколько здесь всё пропитано деньгами. Ощущение, будто я — какой-то пришелец, вылезший из сточной канавы прямо на красную дорожку. Куда ни глянь — сплошные подиумные модели в брендах, цена которых превышает мой годовой бюджет на еду. И я — в своём растянутом худи, которое всё ещё хранит запах дождей Лутона.

На очередной паре я забился на самую дальнюю парту, надеясь слиться со стенами. Но тут ко мне подвалил Ноа. Он бесцеремонно приземлился рядом, бросив косой взгляд на профессора, который с занудством робота вещал что-то об «этической науке и истинной стоимости человеческого существования».

— Ты серьёзно собираешься тухнуть на этой лекции? — прошептал Ноа, едва шевеля губами.

— У меня репетиция в два, — огрызнулся я, не отрываясь от тетради. — Сейчас только половина первого.

— И что? — он насмешливо вскинул бровь. — Итан, завязывай. От этой заумной чепухи в настоящей музыке толку ноль. Ты здесь ради драйва, а не чтобы слушать сказки о познании жизни от парня, который не держал в руках ничего тяжелее мела. Поднимай зад, нам пора.

Я посмотрел на него, потом на засыпающую аудиторию. В его словах была доля правды: моя музыка рождалась в подворотнях и дешёвых барах, а не в залах под бубнёж о высоких материях. Я молча захлопнул пустую тетрадь, закинул рюкзак на плечо и двинулся к выходу, чувствуя спиной недоуменный взгляд профессора.

— Если мне влепят выговор за прогул, я сошлюсь на тебя, — бросил я в спину Ноа. Коридоры колледжа в этот час напоминали муравейник в дорогих костюмах.

— Замётано! — Ноа заржал. — Скажу, что ты тухляк и до сих пор не разобрался, как работает расписание в Нью-Йорке. Спишем на «адаптацию деревенщины».

Я только хмыкнул. Его наглость начинала мне даже нравиться — по крайней мере, он не пытался лебезить. Мы свернули в восточное крыло, где звук классических скрипок постепенно сменялся глухими ударами барабанов и гулом усилителей.

— Ладно, залетай, — Ноа с грохотом распахнул тяжелую дверь 107-го кабинета.

Я переступил порог и на мгновение забыл, как дышать. Воздух здесь был странным коктейлем: сухой запах канифоли мешался с ароматом дорогого кофе и чем-то неуловимо-сладким... жасмин? Чертовски неподходящий запах для места, где рождается музыка.

Миа уже была там. Она оккупировала высокий стул, хозяйски закинув ногу на ногу, и с каким-то остервенением кромсала бумагу карандашом. Даже когда дверь хлопнула, она не удостоила нас и взглядом, продолжая выплескивать свою ярость на несчастную тетрадь. В этой студии она была не просто клавишницей — она была королевой, а мы — случайными прохожими, осмелившимися нарушить её священный ритуал.

— Руди! — жизнерадостно заорал Ноа, разбивая тишину вдребезги.

Миа лишь страдальчески закатила глаза, так и не оторвавшись от записей. Её молчание было громче любого крика.

— Я выкрал Итана прямо с лекций! — Ноа так и светился от собственной гордости. — Не против, если он сегодня немного побрямчит с нами?

«Её величество» лишь неопределенно пожала плечами, даже не потрудившись поднять головы.

— Ваше право. Раз прогуливать лекции для вас важнее, чем будущее, — флаг в руки, — отозвалась она тоном ледяного автомата, пальцы при этом с бешеной скоростью выбивали дробь по экрану смартфона.

В её голосе не было злости — только тотальное, вымороженное равнодушие, которое задевало куда сильнее открытого конфликта. Она словно проводила невидимую черту между нами: по одну сторону — её мир с четким расписанием и золотым будущим, по другую — я, со своим сомнительным драйвом и бедностью.

— Надеюсь, за своим «брямчанием» ты не забыл, что на тебе висит лагерь? — бросила она, и в её голосе прорезались командные нотки, от которых у меня сводило челюсти.

Она не спрашивала, она ставила перед фактом. Пока я пытался казаться независимым, подпирая косяк, она одним предложением напомнила мне, кто здесь распоряжается временем и правилами. Телефон в её руке замер, и на мгновение в студии стало так тихо, что я услышал собственное участвовавшее дыхание.

— Не забыл, — отозвался я, стараясь придать голосу максимум независимости.

Воздух в студии мгновенно наэлектризовался. Ноа замер у своей установки, переводя взгляд с меня на Мию, предвкушая зрелищную катастрофу.

Она небрежно протянула мне увесистую папку. Бумага хрустнула в тишине студии, как вызов на дуэль.

— Вот тебе список дел для лагеря. Раз уж ты решил примерить на себя роль почетного прогульщика с первого же дня, придется отрабатывать репутацию. Изучи это и найди в своих общагах кого угодно, кто еще способен держать в

руках инструменты или просто не боится испачкаться. Мне плевать, кто это будет — твои приятели из Лутона или случайные прохожие, которых ты подцепишь по дороге. Главное одно: всё должно быть сделано в срок и без нытья.

Она сделала паузу, меряя меня взглядом, в котором читалось явное превосходство.

— Деньги на расходы возьмете на ресепшене. Я дам распоряжение. А теперь соизволь приземлиться, — Миа небрежно кивнула в сторону свободного стула, уже вычеркивая меня из списка приоритетов.

— Целый список поручений, а я ведь еще даже не в штате, — я усмехнулся, складывая её папку в рюкзак. — Не бойшься, что я наберу таких «помощников», что твой элитный лагерь превратится в рок-фестиваль на выживание?

— В этом колледже, Браун, боятся только одного — посредственности, — отрезала она, снова уходя в свой планшет. — Лучше просвети: на чем еще ты способен извлекать звуки? Барабаны? Клавиши? Может, мастерски бьешь в бубен? Она прищурилась, задумчиво почесывая карандашом свой растрепанный пучок, который каким-то чудом еще держался.

— Нет. Только гитара, — отчеканил я, не давая ей пространства для маневра.

— А как насчет баса? — Миа замерла, глядя на меня в упор в ожидании ответа.

— Не пробовал.

— М-да-а-а... — протянула она, и в этом звуке было столько ядовитого скепсиса, что мне захотелось немедленно выйти вон. — Тогда зачем ты вообще здесь? В объявлении было четко прописано: мне нужен бас. Это фундамент, Браун, основа, а не просто беспорядочное брэнчание по струнам в надежде на автограф.

— А что, здесь главная — ты? — я выгнул бровь, изображая на лице крайнюю степень фальшивого изумления. — Seriously?

Миа медленно развернулась на крутящемся стуле. Её взгляд — тяжелый, как бетонная плита, — пригвоздил меня к месту. На губах заиграла ухмылка «золотой девочки», которая с пеленок привыкла, что мир вращается вокруг её капризов.

— Представь себе, — бросила она, чеканя каждое слово. — Удивлен? Что ж, приятно. Все новички выглядят так же нелепо, когда до них доходит, чьи приказы им придется выполнять, если они хотят задержаться в этом здании дольше, чем длится перемена.

Она отложила карандаш и скрестила руки на груди, сканируя меня взглядом, будто я был каким-то барахлом на антикварном рынке.

— Ладно, раз уж ты решил прийти раньше всех и продемонстрировать своё рвение... покажи, что ещё ты умеешь? Кроме того, чтобы спотыкаться в коридорах. Может тебя в «певички» возять для эффектного разворота группы? Бу-

дешь у нас на бэк-вокале в розовом костюме.

Внутри у меня всё перевернулось от этой неприкрытой издевки. В Лутоне за такие шутки можно было и в челюсть получить, но здесь... здесь я просто покрепче сжал лямку чехла с гитарой. Розовый костюм?

Я почувствовал, как в груди закипает знакомая ярость. "Певички"? В розовом костюме? Она явно напрашивалась на грубость, проверяя мою броню на прочность. Но я не доставил ей удовольствия увидеть мой гнев. Вместо этого я медленно, почти ритуально, вытащил гитару из кофра.

— В розовом я смотрюсь не очень, — буркнул я, начиная настраивать струны. Резкий, чистый звук заполнил кабинет, разрезая атмосферу высокомерия.

Миа откинулась на спинку кресла, скрестив руки на груди. В её взгляде читался нескрываемый вызов: "Удиви меня, если сможешь, парень из ниоткуда".

— Давай тогда что-нибудь из своего, авторского, — бросила она, ожидая очередную банальную балладу.

— У меня нет своего, — отрезал я, натягивая четвертую струну до нужного тона.

— Почему? — она недоуменно вскинула бровь. — Почти все, кто по-настоящему живет музыкой, рано или поздно начинают писать сами. Ты что, исключение?

Я помедлил, глядя на потертый гриф, который помнил пальцы другого человека. — Могу сыграть вещь моего отца. Он раньше писал... много.

При упоминании отца Миа едва заметно вздрогнула — тень пробежала по её лицу, но она тут же взяла себя в руки и сухо кивнула, разворачиваясь к звуковой системе. — Давай. Послушаем твоё наследие.

Я коснулся струн, и по комнате поплыла тихая, обволакивающая мелодия. Это не был агрессивный рок из дешевых баров. Это была музыка-призрак — тягучая, меланхоличная, пахнувшая дорожной пылью и несбывшимися надеждами. В ней звучала вся жизнь отца: слепая влюбленность в звук и горькое осознание цены, которую приходится платить за талант.

Миа что-то сосредоточенно крутила на панели, её пальцы летали над фейдерами, но я перестал её замечать. Мой взгляд замер в одной точке на стене, а мысли унеслись в дождливый Лутон. Я снова видел отца на краю кровати, слышал его хриплое дыхание и чувствовал ту особенную тишину, которая наступала после финального аккорда. Я играл не для неё — я играл, чтобы он снова был рядом.

Когда последняя нота затихла, в кабинете воцарилась такая тишина, что её можно было резать ножом. Даже Ноа перестал крутить палочки, замерев у своей установки.

Тишина, в которой еще дрожал призрак отцовской мелодии, была бесцеремонно растоптана. Ноа заплодировал так внезапно, что мы с Мией синхронно вздрогнули. Ее пальцы сорвались с пульта, выбив короткий, режущий уши электронный визг.

— Ну что за идиот... — прошипела она, яростно сражаясь с клавишами, чтобы вернуть настройки. — Ноа, тебе заняться нечем? Раз уж ты тут, давай, покажи своему соседу, как обращаться с басом.

— Вообще-то, у меня барабаны! — тут же запротестовал Ноа, вскинув руки, будто защищаясь от сверхурочной работы.

— И что? У меня тоже, — отрезала Миа, даже не глядя на него. Ее тон не допускал возражений.

— Твои «барабаны» в синтезаторе не считаются! Это кнопки, а не железо! — Ноа всё еще пытался язвить, но Миа просто закатила глаза.

Она одним резким движением вырвала палочки из его рук и по-хозяйски уселась за установку. Я видел, как она аккуратно, почти профессионально, прокрутила их между пальцами — этот жест выдавал в ней тысячи часов практики. А потом она ударила. По кабинету разнеслась короткая, но невероятно техничная и дерзкая дробь. Это был не просто ритм — это был вызов, брошенный нам обоим прямо в лицо.

У нас с Ноа буквально челюсти поползли вниз. Мы выпучили глаза, не в силах поверить, что эта хрупкая девушка способна так «раскачать» тяжелое железо.

Закончив, Миа небрежно бросила палочки обратно в Ноа. Тот едва успел их перехватить на лету, всё еще пребывая в глубоком ступоре.

— Иди уже, Ноа, — бросила она, возвращаясь к своему

холодному и деловому тону, будто только что не выдала лучший брейк, который я слышал за последнюю неделю от Ноа в комнате.

— Безумная какая... — Ноа просиял, в его голосе теперь слышалось неприкрытое восхищение.

Мы зашли в кабинку, и Ноа с ходу вогнал кабель в усилитель. Бас отозвался низким, утробным рыком, от которого завибрировали ребра. Этот инструмент требовал совсем другой силы — это не деликатный перебор акустики, это работа с чистой энергией.

— Слушай, Итан, — Ноа внезапно посерьезнел. — Мелодия твоего старика... это было сильно. Честно. Но здесь, в Нью-Йорке, не любят грустить долго. Нам нужен драйв, от которого стены затрещат. Попробуй поймать мой ритм.

Он выдал серию быстрых, четких ударов. Комната мгновенно наполнилась плотной пульсацией, от которой подошвы моих старых кед заходили ходуном. Это был вызов, брошенный прямо в лицо.

Я перехватил бас поудобнее. Гриф казался непривычно длинным, а струны — толстыми и жесткими, как стальные тросы на стройке. Но когда я ударил по первой из них, попадая в такт барабанному рисунку Ноа, по рукам прошел электрический разряд. Низкий гул заполнил всё пространство, вытесняя из головы и неоплаченные счета, и серые улицы Лутона, и даже холодный взгляд Мии за стеклом.

Пальцы горели. Басовые струны после моей акустики ка-

зались ледяными стальными тросами, которые впивались в кожу, не прощая ошибок. Вместо глубокого рыка из комбика вырывался только жалкий дребезг — я мазал, не попадая в лад, и чувствовал себя полным идиотом под прицелом невидимых камер.

— Ладно, не мучайся, попробуй вот этим, — проворчал Ноа, протягивая мне старый, зазубренный медиатор, который, кажется, прошел с ним не один десяток гаражных репетиций.

Как только кусок пластика зажал струну, звук преобразился. Появилась та самая «атака», резкая и наглая, как сам Нью-Йорк. Ноа довольно осклабился, видя, как я наконец поймал его бешеный ритм.

— Ну-у-у, уже неплохо! — крикнул он, перекрывая гул усилителя, и его палочки заплясали по тарелкам с новой силой. — Эй, Миа, глянь, а парень-то соображает на лету! Может, нахрен это официальное прослушивание в два часа? Давай закрепим его прямо сейчас, он явно в теме!

Я мельком глянул через стекло. Миа даже не шелохнулась. Она сидела с опущенной головой, застыв в своем кресле, как изваяние. Только её тонкие пальцы мерно порхали над светящимися индикаторами пульта, словно она настраивала не оборудование, а наши собственные нервы. Она выдерживала паузу, заставляя нас сомневаться в каждом звуке.

— Еще раз, — раздался её голос в мониторах. Холодный, отстраненный, как у бортового компьютера, не знающего по-

щады.

Я глубоко выдохнул, чувствуя, как пот катится по спине. Перехватил тяжелый гриф, сжал медиатор до белизны в костяшках и снова ударил по струне. Низкий, вибрирующий гул отозвался в самом солнечном сплетении, выбивая из головы остатки Лутона. Я понял одно: эта девчонка не примет «просто неплохо». Ей нужно было, чтобы я вывернулся наизнанку.

— Медленнее... — её голос в микрофоне прозвучал как приговор, не терпящий возражений. — На отсчете «три» плавно води ноту вверх, а потом так же мягко опускай. Не обрывай её. Тяни до самого конца, пока она не растворится.

Я стиснул зубы и замедлил темп. Кончики пальцев, в кровь набитые о толстые басовые струны, начали неметь, но я не смел остановиться. Ноа в своей кабинке замер, боясь лишним движением спугнуть этот странный момент единения. Я мельком глянул на Мию через стекло: она едва заметно покачивала головой в такт моей пульсации. Для «золотой девочки», привыкшей к совершенству, это было круче любых бурных аплодисментов. Это было признание.

— Еще раз. На «пять» уйди чуть глубже, в самый низ, а потом резкий скачок вверх, — теперь её голос в динамиках вибрировал иначе. Из него исчез ледяной металл, сменившись чем-то живым и почти мягким.

Глубокий вдох. Я покрепче вцепился в тяжелый гриф, чувствуя, как инструмент становится продолжением моей

руки. На этот раз звук пошел как по маслу — мощно, уверенно, без единой фальшивой ноты. Низкая частота ударила в грудь, резонируя с моим собственным сердцем. Я кожей ощутил: это именно тот ритм, который она искала в толпе безликих студентов.

— Всё. На сегодня хватит, — бросила Миа и щелчком тумблера отрезала нас от связи.

Когда мы с Ноа буквально вывалились из душного бокса, Миа даже не повела бровью. Она просто нажала «Play» на своем пульте, и пространство студии взорвалось, заполняясь звуком, который, казалось, имел физический вес.

Она поднялась, изящным, отточенным движением поправила сумку и направилась к выходу — всё такая же недостижимая, отделенная от нас невидимой стеной своего статуса. Лишь у самой двери она замерла на мгновение, бросив через плечо: «Я за Коулом, буду в два».

И в этот момент из колонок хлынуло то, чего я никак не ожидал. Это была мелодия моего отца. Та самая, призрачная и хрупкая. Но рядом с ней пульсировал мой собственный бас — тот самый «грязный» и тяжелый ритм, который я выдал всего несколько минут назад. Она соединила их. Сшила два абсолютно разных мира в единое полотно прямо у нас на глазах, пока мы спорили. Я стоял, не в силах поверить, что она провернула это так быстро и так чертовски талантливо.

Дверь захлопнулась с глухим щелчком. Я, не удержавшись, рухнул в её кресло, которое всё еще хранило тепло

её тела. Дрожащими пальцами я нажал «повтор» и застыл, вслушиваясь в каждый переход.

— Мать твою... — Ноа у меня за спиной нервно хохотнул, вцепившись в свои палочки. — Она что, на наших глазах только что собрала хит из твоих воспоминаний? Итан, она не просто свела трек, она выжала из твоего прошлого абсолютный максимум. Кажется, наша королева умеет не только на барабанах играть. Я и не подозревал, что музыку можно создавать с такой скоростью. Обычно это делает Коул.

Я не ответил. Я просто сидел и смотрел, как в такт ритму вспыхивают зелёные индикаторы на профессиональных колонках. В этот момент я окончательно осознал: эта девчонка услышала в моей душе то, что я сам боялся выпустить наружу. Она не просто добавила баса — она превратила мою личную меланхолию в драйв, который заставлял стены этой студии дрожать.

Теперь список дел для лагеря в моём рюкзаке больше не казался унижением. Это был пропуск в её мир — мир, где из старой отцовской гитары и одного часа работы в Нью-Йоркском ангаре рождается нечто, способное взорвать этот город.

##

Я торчал за пультом, пытаюсь усмирить эти чертовы настройки, когда дверь распахнулась и в студию ураганом влетел Коул. О вежливости этот парень, похоже, не слышал: он

просто выставил меня из-за стола и принялся по-хозяйски крутить ручки, будто я — пустое место.

Закончив свой ритуал, он небрежно ткнул мне в грудь флешкой.— Завтра вернешь. Скинь себе, пригодится, — бросил он, даже не удостоив меня взглядом.— Ладно... А что там? — я постарался, чтобы голос не дрогнул.— Песня, гений. Что еще? — Коул наконец посмотрел на меня, но в его глазах была сталь. — Только не вздумай слушать. Просто сохрани файл. Узнаю, что засунул туда свой нос — вылетишь из группы быстрее, чем успеешь моргнуть.

Я еще переваривал эту угрозу, когда Ноа, словно заведенный, подскочил ко мне и начал бесцеремонно ерошить мне волосы, давясь от смеха.— Ну что, Руди заставила тебя попотеть, а? — ржал он, явно наслаждаясь моей растерянностью.

Я молча запихнул флешку в рюкзак, чувствуя себя полным кретином.— Ничего не понимаю... Меня что, вышвыривают за прогул? Коул фыркнул, глядя на меня как на умалишенного:— Не тупи, Лутон. Мы берем тебя в состав.

В груди на мгновение перехватило дыхание. Неужели это происходит на самом деле?— Правда? Я ей понравился? — я не сдержал дурацкой улыбки и по привычке потер татуировку на предплечье через рукав худи. От волнения по коже пошли иголки.— Понравился не ты, а то, как ты терзаешь инструмент, — тут же осадил меня Коул. — И закатай губу. Ты мелкий еще для нее, первогодка.— Мне вообще-то два-

дцать, — буркнул я, пытаюсь добавить себе веса.— Серьезно? — Ноа окинул меня оценивающим взглядом. — А я-то гадал, чего это ты для восемнадцатилетнего выглядишь таким побитым жизнью.

Они оба закивали, а потом на меня обрушился лавинообразный инструктаж: графики, правила, внутренняя кухня. Когда дело дошло до жанра, я едва не выронил рюкзак. Честно говоря, пока они распинались, я раз десять успел подумать, во что я, черт возьми, вляпался.— Жанр? — Коул снова зашелся смехом. — У нас нет рамок. Мы делаем всё. Миа требует невозможного, а мы разбиваемся в лепешку, но выдаем результат. Мы же «гранд-группа», парень. Кстати, вот тебе задание: почитай о нас в сети, раз уж ты такой дремучий. Или в твоей глуши телики — это роскошь?— Откуда мне знать, у меня его никогда не было, — я просто пожал плечами.

Парни замерли, уставившись на меня так, будто у меня выросла вторая голова.— Seriously? — переспросил Коул, и в его голосе впервые прорезалось что-то похожее на живой интерес. — Ну, тогда с тебя простав и байки о твоей жизни. Сегодня в семь, в баре. Идет?— Идет, — кивнул я.

Выходя из студии, я кожей чувствовал: с этой минуты моя жизнь сделала крутой разворот в неизвестность.

Миа возникла на пороге ровно в два. Секунда в секунду. От этой её пугающей, почти механической пунктуальности по спине пробежал неприятный холодок. Она окинула нас

ледяным взглядом, в котором не было и намека на приветливость.

— И чего расселись? — её голос хлестнул по ушам, как команда надсмотрщика. — Кто будет командовать в актовом зале? Коул, я тебя зачем сюда прислала? — Идем уже, идем, — примирительно отозвался тот, поднимаясь. — Погоди, а зачем нам туда? — влез Ноа с абсолютно искренним недоумением.

Миа замерла. В её глазах вспыхнуло такое опасное раздражение, что мне захотелось вжаться в стул. — В смысле «зачем»? У нас смотр, если ты вдруг забыл. Десять претендентов. Мы же сами их вчера отбирали!

В этот момент земля под моими ногами просто разверзлась. Внутри всё оборвалось и полетело в пропасть. — А как же... — начал было я, чувствуя, как краска отливает от лица, но Коул ощутимо пихнул меня локтем в бок, затыкая на полуслове. — Потом скажем, — бросил он мне вполголоса. — Уверен, она выберет именно тебя. — Ты что ему наплел? — донесся до меня яростный шепот Ноа, когда они двинулись к выходу. — Ну и придурок ты, Коул...

И тут до меня дошло. Весь мой триумф, всё это пьянящее чувство победы рассыпалось в пыль. Я не в группе. Всё это было блефом, чьей-то злой шуткой или их очередной внутренней игрой, в которой мне отвели роль массовки. На самом деле мне сейчас придется встать в общую очередь с десятью другими бедолагами и унизительно доказывать, что я

вообще чего-то стою.

Я до боли сжал лямку рюкзака, кожей чувствуя вес той самой флешки. Если я всё ещё никто для этой «банды», то что за записи мне всучил Коул? И почему, черт возьми, мне под страхом вылета запретили их слушать?

##

Общий зал напоминал камеру пыток, а этот смотр медленно превращался в мой личный кошмар. Один за другим ребята выходили на сцену, пытаясь прыгнуть выше головы, но всё впустую. Меня же усадили в самом эпицентре бури — прямо бок о бок с Мией. Она яростно черкала что-то в списках, и от её сдавленного шипения мне хотелось втянуть голову в плечи.

— Так, перерыв! — её ладонь с силой припечатала стол. Я невольно вздрогнул. — Проваливайте, попейте воды. На вас смотреть тошно, вы будто неделю не спали.

Зал опустел в мгновение ока. Я остался сидеть на месте, гипнотизируя взглядом исчерканные листы прямо перед моим носом. Миа в упор меня не замечала, методично перебирая бумаги. Наконец она выцепила лист с моим именем и, даже не глянув на него, сунула в папку. На обложке жирным шрифтом красовалось название группы — **«Beyond Rules»**. Сердце пропустило удар. Это что, мой пропуск в основной состав или я только что официально попал в архив «безна-

дежных»?

— Так, Исса, твоя очередь. Показывай, что умеешь. Бери гитару, — скомандовала Миа вернувшейся девчонке. Та несмело взяла инструмент, попыталась выдать басовую партию, но пальцы её подвели. Она мазала мимо струн, извлекая такой скрежет, что у меня зубы заломило.

— Ладно, стоп. Может, хоть петь умеешь? — в голосе Мии прорезалась отчаянная надежда. — Нет... я вообще-то скрипачка, — пролепетала девчонка.

Миа глубоко вздохнула. Я кожей чувствовал, как в ней закипает ярость, и слышал, как она едва слышно считает до пяти, стараясь не сорваться на крик. Я не выдержал и криво усмехнулся — ситуация выглядела по-идиотски. Миа тем временем нервно забарабанила ручкой по столу, то и дело сверяясь с часами.

— Ребята, у меня осталось двадцать минут, — отрезала она, обрывая очередное невнятное выступление. — Давайте без прелюдий: кто здесь реально умеет петь и способен приручить эту гитару, а не просто гладить струны? У меня нет времени на этот цирк.

Половину претендентов как ветром сдуло — они потянулись к выходу, даже не пытаясь спорить. Оставшаяся тройка выдала что-то невнятное, бесконечно далекое от идеала.

— Всё, на сегодня хватит. Свободны, — Миа резко вскочила, обрывая этот балаган. — Коул, забирай документы и закончи тут без меня. Я уже опаздываю.

Она сцапала сумку и буквально вылетела из зала. Тяжелые двери грохнули за ней так, будто за ней гнались все демоны ада. Мы остались сидеть в звенящей, почти осязаемой тишине.

Но не успело эхо затихнуть, как двери распахнулись снова. Миа влетела обратно — такая же стремительная и яростная, как и секунду назад.

— Итан, поднимай свою задницу и за мной! Живо! — бросила она на ходу, даже не оборачиваясь.

Внутри всё подпрыгнуло от неожиданности. Я подскочил, на лету перехватывая кофр с гитарой и едва успевая закинуть рюкзак на плечо. Двинулся следом, кожей чувствуя, как мне в спину вонзаются взгляды парней. Ноа и Коул уже не скрывались: они нагло скалились, подмигивали и едва ли не аплодировали моему «боевому крещению». Коул, поймав мой растерянный взгляд, выразительно постучал пальцем по запястью и беззвучно, одними губами, напомнил: «В семь. В баре. Не забудь».

Я едва поспевал за Мией, лавируя в коридорах и стараясь не расшибить кофр об углы. Она влетела в студию как торнадо, принялась лихорадочно перерывать завалы на столах, пока не выудила пачку каких-то бланков. Резким движением она впечатала бумаги мне в грудь — я едва успел их сцапать.

— Заполни до завтра. Утром они должны быть здесь, — отчеканила она. Следом на стол с металлическим звоном приземлился предмет, от которого у меня перехватило ды-

хание.— Это ключ. Поздравляю. В восемь ноль-ноль быть на месте как штык.

Я замер, переводя взгляд с ключа на её непроницаемое лицо. Неужели всё? Я внутри?— И хватит уже таскать за собой эту бандуру, — она раздраженно кивнула на мою гитару. — Повесь вон там, на крюк. Не бойся, не украдут. Здесь кругом камеры, а доступ только у своих. Да и кому нужна в этом месте твоя рухлять.

Миа снова глянула на часы и выругалась — похоже, она реально опаздывала на что-то важное. Уже на пороге она обернулась, сверкнув глазами:— Про анкету не забудь. Пиши всё честно, без тайн. Знаю я вас, вечно несете всякую чушь. И чтобы никаких историй про голые задницы фанаток! Только по делу. Понял?

Дверь захлопнулась раньше, чем я успел хотя бы кивнуть. Я остался стоять в звенящей тишине студии, сжимая в одной руке ключ, а в другой — бумаги, которые официально втягивали меня в это безумие.

Не успел я прийти в себя, как в кабинет ввалился Коул. Он по-хозяйски приобнял меня за плечо, явно наслаждаясь моим ошарашенным видом.— А при чём тут... голые задницы? — выдавил я, всё еще переваривая её странную угрозу.

Коул заржал так, что в студии сразу стало как-то уютнее.— О-о, это легендарная история! В прошлом году, когда она набирала состав, в анкете был раздел «О себе». Ну, я и выдал: мол, хочу стать рок-звездой, собирать стадионы и

шлепать фанаток по голым задницам.

Я не выдержал и прыснул. Представив лицо ледяной Мии в момент чтения этого опуса, я понял, почему она до сих пор в бешенстве.— Ладно, — выдохнул я, понемногу успокаиваясь. — У меня амбиции поскромнее.

Я посмотрел на стопку бумаг. Кажется, вечер за их заполнением обещает быть очень интересным.

##

Едва мы переступили порог общаги, силы окончательно нас покинули. Мы с Ноа, не сговариваясь, синхронно рухнули на кровати прямо в обуви. День выдался по-настоящему выматывающим: к бесконечным лекциям добавилась эта бешеная чехарда с группой, а сверху, как контрольный выстрел, прилетела обязанность составлять план лагеря.

Я тупо уставился в потолок, проклиная тот момент, когда связался в это. Где мне, черт возьми, искать добровольцев, готовых носиться по всему городу и закупать тонны снаряжения?

— Эй, Ноа, — подал я голос, не в силах оторвать голову от подушки. — Может, подсобишь с этим проклятым лагерем?— О-о, нет! — Ноа замахал руками в воздухе, будто отгонял призрака. — Итан, тут ты сам по себе. Я в прошлом году через этот ад прошел. Больше ни за какие коврижки.— Ну хотя бы намекни, с чего начать? Как это вообще делает-

ся?— Как-как... — он хитро прищурился. — Попроси Мию. Если она возьмется за дело, у тебя всё будет летать.

Я тяжело вздохнул и заставил себя подняться. Мышцы гудели так, будто по мне проехал каток.— Помощник из тебя, конечно, аховый, — бросил я, выуживая из шкафа чистые вещи. — Значит, в баре за выпивку платишь сам.

Ноа что-то весело выкрикнул мне вслед, но я уже скрылся в ванной. Сейчас мне нужен был только горячий душ, чтобы смыть с себя этот безумный день, прежде чем в семь часов начнется вторая серия — уже в неформальной обстановке.

##

Настроение и так было на нуле, а тут еще пришлось тащиться через полгорода. Вместо того чтобы лишние полчаса передохнуть, я запрыгнул в транспорт — нужно было во что бы то ни стало завезти свой график в сервис.

Дорога казалась бесконечной, городские пробки только подливали масла в огонь моей усталости.

Наконец, разобравшись с делами в сервисе, я пулей вылетел обратно. Удивительно, но мы уложились секунда в секунду: ровно в семь я и парни уже шагали в сторону бара.

После безумного дня на ногах и гонки по городу, предвкушение холодного напитка и нормального разговора было единственным, что удерживало меня в вертикальном положении. Я чувствовал на себе оценивающие взгляды ребят —

теперь, без присмотра ледяной Мии, общение обещало стать куда откровеннее.

Мы толкнули тяжелую дверь, и в лицо ударил шум, запах хмеля и приглушенный свет. Моя новая жизнь официально переместилась со сцены за барную стойку.

Мы устроились в полумраке бара неподалеку от колледжа. Тяжесть прожитого дня постепенно растворялась в парах виски и приглушенной музыке. Втроем — я, Коул и Ноа — мы наконец-то выдохнули.

Градус в бокалах уверенно поднимал настроение: напряжение в мышцах сменилось приятной расслабленностью, а недавние страхи перед Мией теперь казались отличным поводом для шуток. Коул травил байки из жизни группы, Ноа поддакивал, а я ловил себя на мысли, что эти парни, при всей их бесцеремонности, начинают мне нравиться.

— Ну, за нового басиста, который не пишет про задницы в анкетах! — хохотнул Коул, салютуя мне бокалом.

Я пригубил напиток, чувствуя, как приятное тепло разливается по телу. Жизнь определенно заиграла новыми красками, хотя я понимал: это затишье перед завтрашним восьмичасовым штормом. — Ты сказал телика нет, серьезно? — выдавил Ноа, нервно помешивая свой уже дорогущий латте. — Прямо вообще без телека? Все двадцать лет?

Я криво усмехнулся и откинулся на спинку стула.

— Ну почему «вообще», — я пожал плечами, глядя куда-то сквозь него. — Был у нас какой-то ящик. Старый, с

выпуклым экраном, который вечно рябил. Только вот смотреть его было некогда. Да и зачем? Там показывали жизнь, которая к моей реальности не имела никакого отношения.

Я замолчал, чувствуя, как в груди привычно ворохнулось что-то холодное.

— Отец умер, когда мне было пятнадцать. Он был единственным, на ком всё держалось. Мать... она не просто сдалась. Она рухнула. От горя, от страха — черт её знает. Спилась за пару месяцев, а потом началось кое-что похуже.

Я медленно поднял руку и выразительно постучал пальцем по вене на сгибе локтя. Ноа отвел взгляд, его явно передернуло.

— Да, именно так. Она начала «швыряться» всем, что могла достать на задворках нашего захолустья. Так что жизнь закончилось, не успев начаться. Пока другие пацаны рубились в приставку, и гуляли с девчонками, я учился выживать. Хватался за любую грязную работу: разгружал фуры в ночную смену, чистил клетки в ветеринарках, подрабатывал на стройках. Учеба днем, пахота ночью — в таком графике для телека места не оставалось.

Я сделал глоток виски.

— В итоге за долги у нас арестовали последнюю хату. Мать тогда уже окончательно потеряла связь с миром. Нас просто вышвырнули на обочину. Оставшиеся годы я кантовался в ржавом трейлере, где зимой зуб на зуб не попадал. А мать... — я неопределенно махнул рукой. — Да кто её знает,

где она теперь. На дне бутылки или в какой-нибудь канаве. В моем мире люди не прощаются, они просто перестают приходить домой.

Коул подался вперед, в глазах блеснуло любопытство, которое меня всегда подбешивало в этих благополучных парнях. — А от чего он умер? — вклинился он. — Твой отец?

Я криво усмехнулся.

— От выпивки, — бросил я, и в воздухе повисла неловкая пауза. — Банально, да? Его музыка... она просто не пошла. Он бился лбом в закрытые двери, обивал пороги дешевых площадок, но индустрия его не заметила. И он начал гаснуть. Знаешь, бывает такая тихая грусть, которая разъедает изнутри быстрее любого рака. Вот он и уходил — по глотку, по капле, пока не ушел совсем.

Я замолчал на секунду, вспоминая тяжелый запах перегара вперемешку с дешевым табаком, который исходил от его старой куртки. Но в моей памяти он не был просто «алкашом».

— Но он всё равно был молодцом, — твердо добавил я, обедая парней взглядом. — Несмотря на всю эту дрянь и зависимость, он тащил меня на себе как мог. Когда трезвел — отдавал последнее. И главное...

Я выразительно постучал пальцем по виску, указывая на голову.

— Он вбивал мне сюда нужные вещи. Правильные. Учил, что музыка — это не про славу, а про честность. Что нуж-

но стоять до конца, даже если мир против тебя. Он вложил в меня всё, что не успел реализовать сам. Я не просто хочу играть, — я покрутил в пальцах пустой бокал, чувствуя, как внутри закипает старое, упрямое «надо». — Я собираюсь сделать это за него. Моя единственная реальная цель — вытащить из забвения хотя бы одну его песню. Ту, которую он пел мне на кухне, когда еще верил, что музыка может спасти. Я заработаю достаточно, найму лучших аранжировщиков, куплю время на радио, но я продвину его музыку. Мир услышит его голос через мой.

В баре наступила тишина. Ноа, который до этого момента казался мне просто скучающим мажором, вдруг серьезно кивнул и хлопнул меня по плечу. Ладонь у него была мягкая, не знавшая тяжелой работы, но жест был искренним.

— Ты молодец, парень. Мало кто сейчас так топит за своих, — он повернулся к стойке. — Эй, бармен! Кофе этому красавчику. Самый крепкий, какой у вас есть.

С этими словами Ноа бесцеремонно забрал мой бокал и отодвинул его на край стойки, подальше от моих рук.

— Миа не любит, когда с утра розит, — прошептал он мне заговорщицки, чуть склонив голову. — А нам еще на репетицию.

Я усмехнулся, глядя на то, как пар поднимается над чашкой кофе. Образ «золотой девочки» Роудс встал перед глазами — небрежный пучок, холодный взгляд голубых глаз и вечно поджатые губы.

— Ваша Миа много чего не любит, — пробормотал я, делая первый глоток обжигающего напитка. — Жаль только, что она забыла спросить, люблю ли я подчиняться правилам.

Парни зашлись хохотом, и этот звук издевательски отразился от начищенных бокалов за стойкой. Они салютовали моей наивности кофейными чашками, будто я только что признался, что верю в Санту.

— Никто не любит прогибаться, Итан. Мы тут все чертовски гордые и свободные... пока она не переступает порог зала.

Он подался ближе, и его голос стал вкрадчивым, почти фанатичным. В глазах вспыхнул азарт. — Но погоди... Когда ты увидишь, на что она способна, когда она соизволит показать тебе себя настоящую... ты сам захочешь упасть к её ногам. Без всяких приказов.

Ноа откинулся на спинку стула, смакуя эффект от своих слов. — Сначала она колючая, — он мечтательно прикрыл глаза. — А потом — чистое божество. Я бы и сам за ней приударил, да только место уже занято.

— Какое там «занято»! — Коул едва не поперхнулся напитком. — Она отшила тебя в этом самом баре ещё до того, как этот «кто-то» нарисовался на горизонте. Сдула твоё гигантское эго одной фразой.

— Её парень тоже из этих, из «струнодёров»? — бросил я, стараясь, чтобы вопрос прозвучал максимально по-бытовому, будто меня это волновало не больше, чем цена на бен-

зин. В моём мире только музыка была валютой, имевшей реальный вес. Все остальное — фантики.

— Музыкант? — Ноа закатил глаза так сильно, будто я сморозил смогую тупость в истории человечества.

— Бери выше, — проговорил Ноа, чеканя каждое слово с каким-то ядовитым восторгом. — Принц современного мира. Сын нефтяного магната.

Он произнес это с таким придыханием, словно нули на чужом счету добавляли значимости ему самому. Но тут же его лицо перекосило.

— Хотя, если честно, парень — редкостное дерьмо. Я вообще не уверен, что Миа хочет быть с ним. Там такая мутная история...

— Ноа, заткнись, мы не имеем права вываливать это первому встречному, — осадил его Коул, но тот лишь отмахнулся.

— Да брось, он теперь в нашей банде. Пусть знает, чего ждать от этого белобрысого придурка.

Я невольно подался вперед, чувствуя, как внутри закипает интерес. — О чем вы вообще?

Коул вздохнул, сдаваясь под напором моего взгляда. — Её отец настоял на этом союзе. Статус, связи, «великое будущее» — всё в таком духе. Джереми Роудс считает, что это идеальная партия для его наследницы. А Миа... она просто не привыкла к открытым войнам в семье. Привыкла подчиняться с самого детства, понимаешь? Поэтому и на рояле

этом дебильном играет только по его указке. Расти в доме знаменитого продюсера — та еще шляпа, парень. Тебя дрессируют, как породистую лошадь для скачек.

Он замолчал, а потом добавил тише:— Но мы тебе этого не говорили. Официально она — счастливая невеста золотого мальчика.

— То есть она встречается с этим типом только потому, что папаша так велел? — я переспросил, надеясь, что ослышался.

В моем мире, если тебе кто-то не нравился, ты просто посылал его к черту. В мире Мии Роудс, похоже, все работало иначе.

Ноа и Коул переглянулись, и в этом обмене взглядами было больше правды, чем в любом светском репортаже. Они одновременно, почти синхронно, кивнули. В их жесте не было злорадства, только какая-то пришибленная покорность судьбе, которую они наблюдали со стороны уже не первый день.

— А как вы вообще собрали группу и умудрились стать такими популярными всего за год? — спросил я, всё еще не до конца веря в реальность происходящего.

— Это всё Миа, — Коул небрежно махнул рукой в сторону пустых бокалов. — Мы в прошлом году только заступили на курс, и нам, как и тебе, всучили эти дурацкие бланки со списком кружков. Но Миа... она не хотела просто куда-то вступать. Она решила создать своё. Чисто для отвода глаз, понимаешь? Чтобы отец видел, что она «занята музыкой», и

давал ей хоть каплю времени на саму себя. Но что-то пошло не так.

— О-о да, — подхватил Ноа, в его голосе послышалась гордость. — Сначала в группе были только я, Коул и Мэтью. Мэтью тогда был на последнем курсе, крутой парень. Поначалу он пытался ей помогать, обучал всяким фишкам, технике... Но быстро стало ясно, что помощь ей не нужна. Она и так знала больше любого из нас.

Ноа сделал глоток и продолжил:— Когда мы впервые выступили на городском празднике, случился настоящий взрыв. Нас увидели нужные люди, и руководству колледжа тут же «впечатали» жирный фонд поддержки. Мол, такие таланты нельзя упускать. Так всё и завертелось. Нам просто свесили ноги на плечи, дали карт-бланш, и теперь мы — банда номер один. Почти каждый месяц мотаемся куда-то за очередным кубком.

— Когда Мэтью выпустился, он полностью оставил группу на Мию, — продолжил Коул, и его тон стал серьезнее. — Теперь я её правая рука: отвечаю за аранжировки и то, как музыка «заходит» толпе. Ноа на барабанах, Миа — на клавишных. А теперь вот и ты — наша бас-гитара. Всё сходится, как мы и планировали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.